

Фиолетовый меч

Автор:

[Иар Эльтеррус](#)

Фиолетовый меч

Иар Эльтеррус

Дмитрий Морозов

ДевятимечьеФиолетовый мир #1

Отказавшись от всего, он шагнул в неизвестность. Взял в руки Фиолетовый Меч, который в ином мире называли Кристальным Пеплом, и ринулся в бой. Но остался один, без поддержки и помощи. Не каждый сумеет пройти через ад и не сломаться, остаться собой. Он сумел. И спас многих других. Стал тем, кем должен был стать. Но это оказалось только началом. Впереди ждало столько, что слов для описания всего этого он никогда бы не нашел. И тайные враги остались в тени. Их еще только предстояло найти и одолеть...

Дмитрий Морозов, Иар Эльтеррус

Фиолетовый меч

Пролог

Он ждал. Время шло медленно и неторопливо, века стекали по его граням, как песчинки по лезвию... Но он ждал.

Когда-то в его честь строились храмы, но блестящая игрушка, под названием «слава», его не занимала, и храмы давно обратились в пыль. Люди проходили мимо, не замечая ничего необычного, боясь даже приоткрыть глаза. Они просто не хотели видеть! Иногда шустрые мальчишки брали его в руки – ведь он любил движение. Дети сшибали лопухи у забора, пребывая в полной уверенности, что держат в руках палку, представляли себя воинами с настоящими мечами и даже не подозревали, что в руках у них нечто во сто крат более значительное... А он лишь усмехался где-то внутри себя, выслушивая горячие детские фантазии, и следил, чтобы зазевавшийся ребенок не повредил руку соседу или ветхий забор... Кристально-острые грани с легкостью могли резать не только плоть, но и дерево, камень и даже металл – но это давно не приносило удовольствия. Зачем крушить и жечь, если нет достойного противника? Только когда он найдет избранного, проснется тот, кто способен выдержать удар и ответить своим...

Он ждал. Время струилось неторопливо, словно сытая змея, выбирающая себе местечко среди камней для полуденного отдыха. Свет, обмануть который не дано никому, играл в его гранях, рождая искры радуг вокруг. Но равнодушная человеческая река текла мимо, не способная восхититься неземными красками, и пепел веков с тихим шелестом осыпался под лаской света, наполняя могуществом древний кристалл.

Однако любое ожидание когда-нибудь заканчивается. Закончилось и его – в недоступных человеку пространствах Дух объединился с готовящейся к воплощению душой. А затем в роддоме не слишком большого города, где-то на бескрайних просторах России, раздался крик новорожденного. Меч довольно усмехнулся про себя и переместился в этот город, привычно притворившись ржавым прутом, на который никто не обратит внимания. Ждать оставалось совсем недолго, только пока будущий Хранитель повзрослеет. Что значат эти несчастные двадцать лет по сравнению с прошедшими тысячелетиями? Да ничего! Он дождется.

Глава 1

Отвратительное настроение заставляло сдавленно рычать от ярости, да еще и голова трещала после вчерашнего, словно там на барабанах играли. Надо же было так нажраться! А денег на опохмелку нет ни копейки, все вечером

оприходовали. С кем хоть пил-то? Этого вспомнить Фрол не смог и злобно выматерился. Еще и этот паскудный аптекарь! Лепетал чего-то про то, что спирта нет, пока разъяренный громила разносил витрину аптеки и требовал выпивки. А что? Сразу бы дал, что просили, ничего б не было. Заслужил, падла!

Фрол уныло плелся по улице, раздумывая, где взять на бутылку, когда навстречу попались двое знакомых. Как их зовут-то? Вспомнить он не смог и угрюмо буркнул что-то в ответ на приветствие.

- Бедняга, чо-то плох ты седня... - покачал головой один из приятелей, протягивая Фролу открытую бутылку. - Бушь?

- А то! - обрадовался Фрол и припал к ней, как умирающий от жажды - к воде.

Парни внимательно наблюдали, как водка исчезает в глотке громилы.

- Слышь, братан, хошь бабулек зашибить? - спросил второй.

- А чего делать надо?

- Да ничо такого. Так, прижать одного фраерка. По штуке зеленых на брата, коли он хвост подожмет и все подпишет. Ты как?

Фрол аккуратно допил содержимое бутылки, встряхнул, проверяя, не осталось ли чего на дне, заел заботливо протянутым сырком, а затем ответил севшим от облегчения голосом:

- Чо за базар! Я всегда! Как тот пионер! Клиент где?

«Клиента» - старика, случайно оказавшегося в кругу интересов местных бандитов - то ли квартиру не согласился продать за гроши, то ли еще чего за душой осталось, - пришлось ждать в почти заброшенном дворе, причем довольно долго. Живот у Фрола подвело до тошноты. Дружки насмешливо ухмылялись, и парень начал звереть. Вместо быстрого и легкого дйльца предстояло томительное ожидание с непредсказуемым результатом. Отдых в кабаке откладывался, и неизвестно насколько! Громила продолжал накручивать себя, и вскоре подельники стали с опаской на него поглядывать, отодвигаясь

подальше, – знали, на что этот «бык» способен в гневе. Когда же наконец позади послышалось облегченное «Вот он!», Фрол ждать не стал. Атакующим танком вылетев из-за полуразвалившегося сарая, он схватил «клиента» за грудки и принялся немилосердно трясти, срывая накопившуюся злобу и не обращая никакого внимания на невысокого, щуплого паренька, который, видя происходящее, мертвенно побледнел, но все равно двинулся к громиле на подгибающихся ногах...

Стоило мозгляку подойти, как Фрол, на мгновение отпустив старика, резким движением повернулся на пятках и нанес доброхоту такой удар, что бедняга отлетел к стенке сарая, приложившись спиной к рассыпанным кирпичам, – и затих.

– Ты что, не мог подождать, пока «клиент» один останется? На кой ляд нам свидетель?

– На хрен ждать! И так до хрена времени потеряли. Держите своего мазурика – щас он вам все подпишет! Верно, дядя?

Фрол поднес пудовый кулак к носу старика, но тот, вместо согласного кивка, вдруг нелепо дернул головой и посинел.

– Ты что сделал, придурок?! – чуть не подпрыгнул один из подельников. – У деда ж, похоже, инфаркт с перепугу! Он же теперь ни на что не годен!

Громила взвыл. Снова остался без кабака из-за какого-то поганого старикашки!

– Ты все подпишешь! – он схватил руку «клиента» и положил на заранее приготовленный договор. – Пиши! Или убью!

Старик судорожно вздохнул – рука корявым росчерком вывела что-то на бумаге – и закатил глаза.

– Ну что? – Фрол жадно облизнул губы. – Гуляем?

– Если бы... Крепкий дедок попался. Сталинская школа. Гляди!

Через весь лист документа, под завязку напичканного юридическими терминами, шла косая надпись: «Хрен вам!»

Фрол, дико матерясь, принялся остервенело пинать уже остывающее тело.

– Да оставь ты жмура, придурок! – рявкнул кто-то из поделщиков. – За собой лучше подчисти.

Он кивнул на вступившегося за старика парнишку. Тот очнулся и что-то мычал, пытаюсь встать, но ноги только слабо подергивались – явно был поврежден позвоночник.

– Не, на мокруху я не подписывался... – заканючил Фрол, мигом уловив новую возможность получить хоть какие-то деньги. – Если боитесь, сами и кончайте, а я на поезд сел – только меня и видали.

– Ладно. Получишь свою штуку. Только не тяни, мало ли кто тут может объявиться.

Громила довольно оскалился, сунул было руку в штаны за ножом, но передумал. Новая финка, недавно только купил – и портить ее об такого заморыша?! Фрол пошарил глазами по строительному мусору и подхватил какую-то плоскую ржавую железку примерно метровой длины.

– Чо, спинка болит? – ласково спросил он, подойдя к пареньку, смотрящему на него с ужасом. – Ничо, щас полечим... Укрепим...

Рывком посадив у стены слабо стонущего мозгляка и наклонив ему голову, Фрол воткнул железку в спину несчастного – вдоль позвоночника. Послышался противный хруст, но железка пошла легко, даже слишком легко для ржавой палки – однако громила не успел удивиться. Глаза его внезапно остекленели, и он неверными шагами направился в сторону поделщиков.

– Ну ты и зверь!.. – восторженно протянул один из них. – А просто горло перерезать нельзя было?

Подойдя, Фрол сильно ударил его в висок. Бандит отдал богу душу, не успев понять, что происходит.

– Только без крови... я помню... – Толстые руки громилы схватили за голову второго отчаянно заверещавшего «коллегу». Рывок, хруст – и еще одно тело повалилось на траву.

Немного постояв, покачиваясь, Фрол пробормотал:

– Да-да, без крови...

С этими словами он отрезал веревку от висевших неподалеку самодельных качелей, наскоро соорудил петлю, закрепил ее на своей шее и, поднявшись на крышу сарайчика и привязав второй конец к трубе, бросился вниз. Несколько раз дернулся, засучил ногами – и во дворике воцарилась тишина.

Жизнь Олега можно было назвать жизнью только с очень большой натяжкой. Скорее бессмысленным, беспросветным существованием. Когда наступили лихие девяностые, родители парня, как и многие другие, не нашли себя в новом мире. Заводы и фабрики закрывались, рабочие места исчезали быстрее льда на июньском солнце, а государство на своих граждан плевать хотело: там, наверху, делили общий пирог, внезапно оказавшийся бесхозным, судорожно вырывая друг у друга куски побольше. Многие тогда оказались на мели.

Пытаясь хоть как-то прожить, родители Олега несколько раз перепродавали квартиру, и в итоге оказались в старенькой коммуналке – в двух комнатках, разделенных дощатой перегородкой. Отец прыгал с работы на работу, пытаясь прокормить семью, пока вдруг не заболел и с некоторым смущением не отошел в мир иной. Парень навсегда запомнил застывшую виноватую улыбку на его мертвых губах: «Вы уж простите... больше ничем не помогу...»

Мать ненадолго пережила отца. Через год после смерти мужа она тихо уснула – и не проснулась. Олегу пришлось бросить институт, до окончания которого осталось совсем немного, устроиться на две работы – и горбатиться с утра до вечера, пытаясь хоть как-то свести концы с концами. На похороны отца они истратили все сбережения, а чтобы похоронить мать, он сдуру взял ссуду в банке: там, где «все можно оформить очень быстро и под минимальные

проценты». С тех пор он работал только на возврат этой проклятой ссуды, не будучи в силах выплатить даже часть. Так называемые «минимальные проценты» обернулись кабальным ярмом, отбирающим почти все деньги, которые мог заработать обычный трудяга без образования. И жизнь была пустой.

Девушки не смотрели на парня, одетого так, что сразу становилось понятно – у него ветер в карманах гуляет. Их интересовали только крутые, «прикинутые пацаны», разъезжающие на дорогих иномарках. А этот? Что с него взять? Что он может дать жаждущей «красивой жизни» девице?

Последним утешением остались книги. В соседнем, довольно приличном доме жил Семен Семеныч – тихий, благообразный старичок, который иногда подкармливал вечно голодного парня и делился книгами из собственной библиотеки. Но какими! В них жизнь кипела и бурлила, рекой лилось шампанское, и темноволосые красавицы преданно ждали своего принца... Правда, иногда Семен Семеныч заставлял его читать всякую «тягомотину»... Старые, в потертых кожаных переплетах тома были Олегу советчиками во многих вопросах, и со временем именно они превратились в его друзей, заменив и отца, и мать. В них было маловато приключений – зато много мыслей, и коллеги на работе, раньше с удовольствием зовущие молодого «трудягу» поговорить под бутылочку о политике, теперь смущенно замолкали и старались поменьше общаться с человеком, чьи незамысловатые реплики били точно в цель, смущая умы и уничтожая разговор на корню – о чем говорить, если все уже сказано? Олег все больше отдалялся от людей, но не замечал этого – у него были книги!

Хотя теперь кончено и это! Черт дернул его сократить дорогу через незнакомые дворы – ведь никогда так не ходил! Зачем полез заступаться за незнакомое человека? Знал же, что он этим громилам на один зуб – вернее, на один взмах руки! Удар – и острая боль в спине, тьма... Олег все еще пытался справиться с собой, хотя бы куда-то уползти, когда болью обожгло спину. Что-то врывалось в него, ломая, руша – но не калеча. Боль... она стала иной. Словно его позвоночник облили кипящим, пузырящимся медом – кости горели, впитывая искрящийся жар, а во рту застыл аромат незнакомых цветов.

«Ну как, полегче? Подожди, сейчас еще подлечу – только наведу тут порядок... Эй ты, придурок! Сделай то, что тебе нравится больше всего – но только без крови, понял? Без крови...»

Олег сквозь багровую пелену видел, как вспыхнули хрустальным огнем глаза огромного бугая, стоящего напротив, – толстые руки напряглись, губы шевельнулись, сложились в подобие улыбки.

– Я понял. Без крови... – И бугай, пошатываясь, направился к поделщикам.

Возня, хруст – и в темном дворике воцарилась тишина.

Глава 2

– Ну и что ты наделал? Целитель хренов! В кои-то веки приличный Хранитель – и на тебе! Селективный шок!

– Он умирал, понятно тебе, рептилия-переросток! Он уже почти умер! Ему требовалось много – и сразу! У него вообще позвоночник был перебит! А я еще даже не попробовал вкус его крови!

Странные голоса звучали в голове, разгоняя туман, мешая уснуть... соскользнуть поглубже – туда, где было так сладко, где ничего не болело...

Голоса? Олег поднял голову. Вокруг стояла глухая ночь. Не горели окна домов, и свет фонарей не долетал сюда, запертый каменными стенами. Молодой месяц не столько светил, сколько разгонял тьму. Но и его неверного свечения хватило, чтобы разглядеть пустой двор и безжизненные фигуры, валяющиеся на земле.

Парень скорчился – его вырвало.

– Эй, хватит! У тебя и так сил нет! Тебе нужно поесть, желательно белок, шоколад, например. Поблизости есть круглосуточная кормушка?

– Кто здесь?

В ответ послышался довольно противный смешок.

- Еще будет время познакомиться. Я тебе не враг, понятно? Так как насчет перекусить?

- Ну... тут есть круглосуточный ресторан, но у меня нет денег. Да и не пустят меня туда - в таком-то виде!

- Да... с тобой еще работать и работать... дай-ка я.

Олег с ужасом ощутил, что кто-то словно отстранил его от управления собственным телом. Его руки легко перевернули тела бандитов, будто это были перышки, обшарили карманы. Нащупав жиденькую пачку долларов, он тут же бросил это бесперспективное занятие и широкими, легкими, словно стелящимися шагами, направился к выходу на улицу.

- Ну? Где твой ресторан?

- Пустите меня!

- Отпущу, не беспокойся. Но не раньше, чем ты основательно подкрепишься - у тебя сил почти не осталось: еще свалишься в голодном обмороке, пока будешь рефлексировать - как да что... Философствовать лучше на полный желудок!

Олег замолчал, с ужасом наблюдая, как его собственное тело легко поднимается по ступенькам ресторана, походя сунув вытаращившему в изумлении глаза швейцару зеленую бумажку, и беспрепятственно входит в ресторан.

- У вас есть мясо с кровью? Три порции. И еще - печень. Тоже с кровью! Сока томатного побольше! И сто граммов коньяку!

Лишь когда мясо было съедено, коньяк расслабил нервы, а на столе оказались несколько шоколадных пирожных и чашка крепкого какао, Олег вновь почувствовал себя хозяином собственного тела.

- Кто вы? У меня раздвоение личности? Или я умер?

- Да не суетись ты так! Все с тобой в порядке. Даже более чем. Мне пришлось тебя здорово подлатать - и не постепенно, как это всегда бывает, а сразу. Это

ради твоего же блага!

- «Ради твоего же блага». Дежурная фраза палача.

- Возможно. Только и родителя тоже. И перестань наконец бормотать вслух! А то тебя принимают за наркомана. Конечно, здесь и не такое видели, но косячок предложить могут, а ты не в том состоянии, чтобы отказываться или устраивать разборки. Так что ничего вслух не говори – я прекрасно слышу твои мысли.

- Кто ты?

- Скоро узнаешь. А сейчас – приступай к десерту и послушай небольшую историю. Ты ведь любишь фантастику?

Давным-давно... Да нет, гораздо раньше, чем ты можешь себе представить. На вашей Земле еще только динозавры вымирать начали. В общем, сотни миллионов лет назад Творец миров из одной далекой вселенной решил оставить свои создания и отправиться... Кто говорит – на заслуженный отдых, кто – создавать новые миры. Короче, прочь из нашей истории. Но силы, которые он вложил в свои творения, – остались и привлекали миллионы жадных до власти личностей со всей вселенной. Тут и там рождались новые, юные боги, жаждущие лишь силы и множества жертв. Архимаги обретали бессмертие и начинали перекраивать миры под свои нужды. Молодые миры едва не уничтожили сами себя, и в них в конце концов появился сверххищник, научившийся вбирать в себя силу других магов и даже мелких богов, постепенно становясь почти неуязвимым. Началась война всех со всеми. Этого оказалось слишком много для несчастной вселенной, и Творец вновь обратил внимание на свое создание. Он отобрал силы у воюющих сторон, а их бывших носителей заставил уйти. Куда? О том знает только сам Творец. Однако вселенную нельзя было оставлять без присмотра, и он решил перемешать все на данный момент свободные от активной деятельности силы, сделав их недоступными обычным смертным. Основой послужил уже упомянутый сверххищник. Так возник Предел – некая грань, преступив которую, человек становится равен богам. Нечто, в чем смешались все силы природы, все виды магии и мировые информационные потоки. Миллионы магов всех миров стремятся к нему – и только, оказавшись у Предела, понимают, что не в силах не то что преодолеть его, а даже просто понять, что происходит там – по другую сторону добра и зла. И благоразумно отступают. Но поскольку любые барьеры имеют свойство со временем рушиться, Творец разделил Предел на девять центров сил, которые должны, по идее,

контролировать состояние Предела и подвластных ему миров. Из каждого возникло три сущности: вместилище силы – Дракон, вместилище знаний – Меч, вместилище воли к действию – Дух. Во всяком случае, так было изначально. Но время все меняет – теперь и во мне немало сил, а Дракон вполне способен действовать. Ты еще ее увидишь – если повезет, конечно.

– И какое это имеет отношение ко мне?

– Ты – Дух. Вернее, в тебе живет один из Духов Предела. Фиолетовый. Кстати, знаешь, чем еще примечательна ваша планета?

– Ну...

– Она – курортная зона. Самые разные сущности постоянно вселяются в тела людей, устраивая себе отпуск. Высшие духи редко посещают Землю, зато низшие с удовольствием придают здесь низменным удовольствиям. Поэтому, наверное, вся ваша история – поиски наслаждений для всех и каждого.

– Неправда!

– Правда! Просто для одних наслаждение – секс, для других – власть, для третьих – утонченное искусство. Однако всех вас объединяет одно – вам не важно, что будет дальше. Ваша жизнь – так, курортный роман без обязательств.

– У нас есть люди, которые думают о будущем всех людей!

– Может, и так. И из курортных романов, бывает, вырастает нечто серьезное. Но я сейчас не об этом. Кстати, тебя зовут Олег? А как ты себя называл в детстве? Элан? Пусть будет Элан – а свое настоящее имя забудь даже в мыслях. Слишком это большая сила – имя, данное тебе при рождении. Так вот, Элан, именно здесь, на Земле, изредка рождаются духи творцов – тех, кто способен создавать нечто великое. Они никогда не попадают среди «курортников», все местные уроженцы. Некоторые из них способны услышать зов – а может, это один и тот же вечно перерождающийся дух? В любом случае, я могу тебя «обрадовать»; в тебе живет дух творца, и сейчас ты должен принять самое важное в своей жизни решение. Я могу вернуть тебя к твоей обычной жизни – такой, как была. Впрочем, обойдемся без подвохов: ты будешь здоровым и сильным, а не подышающим в темном дворе. Или ты можешь пойти со мной. Это очень сложный

и опасный путь. Дорога множества миров. И назад вернуться у тебя вряд ли получится. Выбор за тобой, Элан.

– А что тут выбирать? Здесь меня ничего не держит. Хуже, чем здесь, мне нигде не будет.

– Хуже, лучше – все будет зависеть только от тебя. Но могу гарантировать, что скучать тебе не придется. Ладно, расплачивайся – и пошли.

Как всегда, когда дело касалось денег, Элан растерялся. Его руки судорожно зашарили по карманам.

– В правом. Нащупал? Отдай все! Эти бумажки тебе больше не понадобятся!

Элан, стараясь, чтобы жест не вышел скомканным, бросил рядом с тарелками все, что было в кармане – зеленые бумажки разлетелись по столешнице – и, глядя на выпученные глаза официантов и других посетителей, впервые за долгое время почувствовал прилив надежды: кажется, в его жизни появились иные ценности...

Парень вышел во двор. Солнце уже показалось из-за горизонта, и пустые улицы были залиты нежным, розовым светом. Небольшой фонтан в скверике напротив ресторана лениво разбрызгивал утренние лучи каплями влаги. Элан подошел и сел на скамейку – влага была разлита в воздухе, но возбужденный человек не чувствовал холода.

– Ну и где ты?

– Позволь представиться: Меня зовут Rozotm`ech Zari, в грубом приближении к вашему языку – Кристальный Пепел. А теперь наклони голову.

Элан послушно наклонил голову и почувствовал, как из его загривка выдвинулась вверх шершавая рукоять Меча. Не веря себе, он взял ее, потащил, чувствуя легкую щекотку вдоль позвоночника – и в его руках засверкал необычный кристальный клинок, омываемый утренним солнцем. Покрытый какими-то необычными гранями, Меч светился и переливался, а внутри него с беззвучным шелестом осыпался пепел прошедших тысячелетий...

Глава 3

– Ну как, он готов? – Голос был странный – нежный и мелодичный, певуче женственный, он был рожден явно не человеческими связками; слишком многое смешалось в нем – и львиные раскаты, и огонь подземных недр, и сияние далеких звезд...

– Ты, как всегда, нетерпелива... Элан, позволь представить – твой проводник сквозь миры, Кристальный Дракон – Greilaina, но можешь звать ее попросту – Грея.

– Нахал! Кто обращается к Дракону столь фамильярно?

– Только тот, кому он предназначен. Или ты опять собираешься выкинуть свой коронный фокус?

– Посмотрим. Этот вроде ничего... Да и жестковат. Подкормишь?

Элан наконец обрел дыхание – и голос:

– Она меня что, съесть собирается?

Меч ехидно засмеялся:

– А что? Бывали такие случаи. Если Хранитель пошел темным путем – Дракон обязан уничтожить его. Вот только трудно отказаться от волшебства единения – и целые миры на тысячи лет погружаются в хаос... Бывало и такое. Но только не с Греей! Она всегда готова к плотному обеду! Ведь так, моя сладкая?

– Ну попадись мне только, железный коротышка!

– Умолкаю, умолкаю. Общайся с Хранителем.

Тишина. И робкое:

- Привет.

- Здравствуйте уважаемая... Grei...

- Да ладно, пусть будет Грея. Ты готов отправиться в путь?

Элан засмеялся.

- Не знаю. Надеюсь определиться по ходу. А куда идти?

- Это неважно. Возьми Меч в руки. Держи перед собой. Смотри только на его грани... Теперь иди вперед...

Шаг. Другой. Мелодичный голос завораживал, заставляя отрешиться от всего, не замечать, что с каждым шагом меняется что-то вокруг, разбегаются и сходятся какие-то линии, создавая сложный рисунок.

- Теперь почувствуй впереди себя упругую преграду... Чувствуешь? Рассеки ее!

Элан ощутил, как Меч завяз в чем-то пружинящем. Он напряг все мышцы, пытаясь сдвинуть упрямую железку – но что-то сковывало, тормозило его усилия...

- Ну давай же, милый! Я жду тебя!

От неожиданности рука парня дрогнула. Она еще издевается! Однако, как ни странно, после этого дело сдвинулось с мертвой точки. Меч двинулся – и пошел по кругу все быстрее и быстрее, превращая случайное движение в уверенный взмах.

- Молодец! Теперь вперед! – Элан замешкался, прижал клинок к себе и шагнул в образовавшийся круг, за которым виднелись незнакомые растения иных миров...

Хлоп! Темная грязная вода сомкнулась над головой, и пришлось лихорадочно молотить руками, с трудом выбираясь на топкий берег. Как в этой суматохе Элан не потерял Меч – он и сам сказать не мог.

– Да... Это лучший мир? Именно чтобы попасть сюда, мне нужно было оказаться на грани смерти, заполучить сверкающий клинок в шею и голос говорящего дракона в разум?

Кристалльный Пепел хохотнул.

– А что, тебе тут не нравится? Посмотри, какой вид! Кстати, это один из миров, которые тебе придется опекать... Если, конечно, до этого дойдет.

Вокруг простиралось болото, насколько хватало зрения, замутненного болотными испарениями, висевшими в воздухе легкой дымкой. Лишь подернутая ряской вода с кочками, поросшими жесткой колючей травой, да виднеющиеся кое-где чахлые деревца. Единственный островок – просто большая кочка пару шагов в диаметре, на которой сох Элан, – не позволял даже вытянуть ноги.

– И что, здесь кто-то живет?

– А как же! Очень интересная раса разумных земноводных – стархи. Совершенно очаровательный склад ума! Просто обожают высокие материи и будут говорить с тобой о философии, разделявая тебя же на котлеты. Впрочем, вряд ли они нам встретятся – постоянные войны, которые они ведут, здорово сокращают их ряды, заставляя держаться вблизи нескольких основных ареалов обитания. Прежний Хранитель носился с идеей вывести их из каменного века и даже собирался начать разрабатывать месторождения угля и железа, поскольку примерно в двухстах километрах отсюда начинается горная цепь, где полно полезных ископаемых. Мне чудом удалось убедить его не делать этого – дескать, настоящему философу не нужна технократическая цивилизация. На самом деле я просто хотел, чтобы копья, которые мне приходилось отбивать, имели костяные, а не железные наконечники. Так как, будем искать стархов или попробуем двинуть дальше? В принципе, за пару тысяч лет, которые меня здесь не было, они могли шагнуть далеко вперед!

Элан поежился.

– Лучше, конечно, шагать отсюда... подальше и побыстрее. Только куда мы все-таки идем?

- Ты еще не понял? Искать Дракона! Только полное объединение даст тебе силу и знания круга опекающих миры...

- И зачем мне эти силы?

- Господи, по-моему, все предельно просто. В тебе живет Дух творца. Не того, конечно, который создал все сущее - но все-таки творца! Ты можешь изменять мир! Добавлять в него что-то свое, неповторимое! Для этого нужен тот внутренний огонь, который рождается так редко - и так легко гаснет. Ну и, конечно, те знания и силы, которые ты сейчас ищешь.

- Разве мир не совершенен?

- Оглянись вокруг! По-твоему это - совершенство? Нет, это нечто более прекрасное - не застывшее и неизменное великолепие, а постоянно меняющийся, все время что-то доказывающий себе и другим мир... И он прекрасен в своем развитии. Однако ему нужно помогать! Знаю, занятие неблагодарное, но зато - веселое. Так что пошли дальше.

- Пошли - на поиски дракона? Или, вернее, драконессы? И в какой она стороне? - Элан с сомнением посмотрел на грязную жижу, что плескалась у его ног. - Хотя пока я не освою сложное искусство грязевого дыхания, далеко мы не уйдем...

Меч фыркнул, явственно шевельнувшись в спине человека.

- Что ей делать в такой луже? Дракон может ждать Хранителя, живя в одном из миров, или, дематериализовавшись, растечься по времени, ожидая момента обретения. Она примет свой истинный облик лишь тогда, когда ты окажешься в ее мире - и тогда ты не сможешь ее больше слышать на расстоянии; что, по идее, должно подтолкнуть тебя на поиски и послужить неплохим ориентиром - на первоначальном этапе.

- Но я ее не слышу!

- Разговор сквозь миры отнимает много сил - она заговорит с тобой, когда ты будешь готов. Не беспокойся, момент ее материализации ты не пропустишь. - Меч снова усмехнулся.

- Скрытничает... Тогда почему она сразу не направила меня в свой мир?

- А ты как хотел? Садится на плечо голубь, или золотая рыбка попадает в сети - и все, весь мир у тебя в ладонях? Так даже в ваших сказках не бывает. Ты - еще не Хранитель. Тебе нужно тренировать свой дух, и небольшая прогулка будет как нельзя кстати. Ну так что, пошли?

- И куда теперь?

- Путь множества миров бесконечен, и ты должен попасть именно к Дракону. Постарайся захотеть оказаться возле нее - и иди!

Элан честно представил себе драконессу - вот она говорит, свернувшись клубком межзвездной пыли (Меч за плечами ухмыльнулся), - взял сверкающего негодника в руки и осторожно шагнул вперед.

Жирная грязь довольно булькнула, заливая ботинки, еще совсем недавно бывшие светлыми и чистыми. Парень торопливо выбрался на берег и, в очередной раз начиная разуваться, буркнул:

- Еще парочка таких купаний - и обувь можно с чистой совестью выбросить на помойку. А стоя на месте, можно идти в другие миры?

Кристалльный Пепел, лежащий рядом, буквально затрясся от смеха:

- Идти, стоя на месте? Это как?

Внезапно он стал серьезным и, сверкая гранями, сообщил:

- Теперь ты понял суть первого испытания. Ничего особо сложного - ты должен суметь сделать пять шагов по болоту. Я достаточно укрепил твое тело и разум, чтобы ты с ним справился. Начинай!

Элан крикнул, покачав головой, разделся, оставив одежду на берегу, и двинулся в сторону ряски...

– Помнится, был у нас один святой, который мог ходить по воде – может, он бы здесь и прошел. Но я-то даже не верующий!

Парень весь кипел. Казалось, грязь набилась повсюду – в волосы, уши, рот, глаза... Он уже не мог даже ругаться – только шипеть сквозь стиснутые зубы.

– А зачем тебе верить? Ты не веришь – ты знаешь. Конечно, святой бы просто встал и пошел – однако и у тебя есть шанс. И хватит нырять, у меня уже от твоих попыток удержаться на воде клинок сводит. Попробуй почувствовать свое тело и воду. Ощути родство с ней, почувствуй, как она перерождается в твоём теле... А заодно попробуй перераспределить свой вес по максимально большей площади.

– Начал за здоровье, кончил за упокой – буркнул Элан, постепенно успокаиваясь.

Закрывать глаза... Представить себя водой – в воде, под водой, на воде... Сознание никак не хотело подчиняться, отказываясь верить в абсурд.

Так, расслабиться... почувствовать воду под собой... её текучесть, её вес, силу... Она вполне может удержать меня... Шаг вперед... Хлюп!

Нет, тут что-то не то. Либо нужно менять состав воды, либо... Измениться должен он! Если в нём живет какой-то Дух, то именно он и должен решать подобные проблемы. Будь он полегче, проблем бы не возникло... Полегче?

Так, попробуем направить силу притяжения вверх... Интересно, а что чувствовал тот святой?

В теле словно появилась непонятная легкость, ряска под ногами пружинила, подобно матрасу. И еще – ноги, прежние на вид, приминали теперь в десятки раз большую площадь, даже не касаясь ее.

– Интересно... Очень интересно... Что стоишь, хватай вещи и пошли! – Меч, как всегда, был бесцеремонен, но теперь в его голосе слышались задумчивость и уважение. Или удивление.

Узкий клинок легко лег в руку, и мир задрожал рябью, открывая новые грани. Шаг. Второй. Третий. Фиолетовая дымка сгустилась, отрезая окружающее. Еще

шаг. Где-то далеко впереди подняла голову и улыбнулась прекрасная незнакомка с аметистовыми глазами. Сложный взмах Мечом: казалось, он сам управлял рукой человека – и перед Эланом раскинулась серая равнина.

* * *

– Уф! Хоть воды нет, как в прошлый раз.

Хранитель стоял на совершенно пустой земле, вокруг не было ни деревца, ни травинки, и солнце, скрытое за густой пеленой туч, освещало землю тусклым серым светом, скрывающим все краски.

– Это точно. Пресной воды здесь очень мало. Может быть, поэтому и нет ни живности нормальной, ни растений приличных.

– А кто здесь обитает? Какая раса?

– Разумных здесь нет. Да и не могло возникнуть на земле, обитатели которой всем напиткам предпочитают кровь.

– Что? Здесь живут вампиры?

– Ну, не все так плохо. Скорее их дикие сородичи. Превращаться ни во что не могут, говорить – тоже. Зато выпить всю кровь у зазевавшегося путника – это пожалуйста. Для них это деликатес.

– А обычно чем они питаются?

– Обычно толкутся на океанском побережье. Там можно поймать рыбу и высосать из нее влагу. Хватает, чтобы не умереть от жажды. Но при этом они всегда хотят пить.

Элан вздрогнул.

– По-моему, пора сваливать отсюда.

Кристалльный Пепел вздохнул.

– Еще ни один Хранитель не попытался изменить здесь что-либо. Никто не хочет делать диких вампиров разумными... Только уходить нам пока рано. Есть один ритуал, который нужно выполнить как раз на Земле крови. Пора нам познакомиться поближе, Элан. Посмотри на меня.

Человек вытащил Меч из тела и поднес поближе к глазам. Хрустальные грани не переливались в тусклом свете, с трудом пробивающемся сквозь тучи, лишь тускло мерцали, играя еле заметными сполохами. И все так же струился внутри граней пепел – темный и легкий остаток былых надежд.

– Во мне – частица каждого Хранителя, его помыслы и чаяния, его мечты и воспоминания. Память всех тех, кто сжимал мою рукоять, живет во мне – их знания и опыт, энергия и силы. Пора и тебе стать полноценным Хранителем.

– Что... что я должен делать?

– Ты уже знаешь или догадываешься. Магия крови – одна из наиболее древних, и на Земле каждый воин, который хотел стать великим, делился с мечом собственной кровью.

– Хорошо, – Элан закатал рукав. – Как все должно произойти?

– Сам решай. Это твой подарок – здесь важны не ритуалы, а искреннее желание.

Хранитель торопливо, словно боясь передумать, полоснул себя по руке – и отрешенно смотрел, как медленно набухает кровью рана, как первые алые капли стекают по рукаву и падают на подставленное плашмя лезвие, чтобы легко раствориться в фиолетовой глубине кристалла, оставляя слабый налет на переливающихся гранях.

Ток крови усиливался. Теперь уже говорливый ручей стекал с белой руки – однако на землю не упало ни капли. Меч умел ценить преподносимые судьбой дары.

– Довольно. Если ты лишишься сил, мы никогда не выберемся отсюда. Прикажи ране закрыться.

– Как это? Чтобы остановить кровь, мне нужна перевязка...

– Господи! Ты изменил вес собственного тела, но еще не понял, что стал его хозяином?! Просто напрягись – и выполни, что должно.

Элан вдохнул и посмотрел на рану. Тонкий аккуратный разрез пролегал по диагонали от кисти до локтя, и из него торопливо выплескивалась кровь. Он действительно не хотел этого! Ему показалось – или рана стала меньше? Парень сосредоточился, стараясь остановить кровотечение, – и края разреза медленно сошлись, оставив за собой воспалившийся рубец. Кровь перестала течь, лишь на коже поблескивали алые капли.

– Молодец! Весьма неплохо. Дай-ка я... – Кристальный Пепел плашмя лег на рану, скользнул холодком вдоль руки – и лишь тонкая царапина могла теперь указать место, откуда несколько секунд назад хлестала кровь.

– Хорошо! Теперь пойдём отсюда – сейчас здесь будет жарко. Поторопись!

Элан кивнул. Он взял в руки Меч, шагнул раз, другой... Ничего не произошло. Он закрыл глаза, сосредоточился... Нужное состояние не приходило.

– Что-то не так!

– Этого я и боялся. Ну что ж, пришло время еще для одного урока. Слушай! Все, что знали и умели прежние Хранители, все их воинские навыки, все приемы и хитрости – все это во мне и в тебе. Доверься себе, своему телу, работай на рефлексах, не задумывайся – а я не подведу! Скорее! Они уже здесь!

– Кто они? – Элан в недоумении посмотрел вокруг и едва не пропустил выпад огромной твари. Тело само отклонилось назад, рука скользнула вперед – и на землю упала гигантская летучая мышь-переросток. Она была похожа на обезьяну с крыльями: с короткой коричневой, словно замшевой кожей, со звериным оскалом клыков и странным полуразумным взглядом медленно затухающих глаз...

– Вампиры! Да очнись же! Сейчас налетят! Я не смогу управлять твоим телом достаточно эффективно – если их будет много, они нас просто задавят... Разведчик наверняка перед нападением позвал своих...

Элан медленно повел клинком из стороны в сторону. Сейчас он отрешился от всего – даже от неясной угрозы, доносившейся с востока. Меч – это продолжение тебя самого, выражение твоих мыслей, твоих надежд и стремлений... Это твой разговор, твоя ненависть и твоя любовь... Взмахи лезвия стали плавнее и скорее, выпады – длиннее и резче. Он поудобнее перехватил рукоять второй рукой: это позволяло делать круговые движения вдвое быстрее и сильнее.

Сосредоточенный на Мече, он понемногу начинал ощущать пространство, и когда неясные тени появились на площадке, их встретил хрустальный вихрь.

Станный это был поединок. Скорее – танец. Прекрасный и опасный танец смерти, полный непонятной грации и очарования.

Он был бы невозможен с земным оружием – только один клинок мог проходить сквозь плоть и кости, словно сквозь воздух, не сбиваясь с завораживающего ритма. Уродливые тела падали, а музыка битвы вела своего танцора дальше, туда, где ярились еще живые враги.

Он был бы невозможен и с обычным человеком – и у лучшего воина может дрогнуть рука, скользнуть нога на земле, смоченной кровью врагов. Но Элан слышал танец, и странный, завораживающий ритм не давал ему совершить ошибку, подвести себя и свой Меч, пока звучит в душе эта дикая и прекрасная музыка битвы.

– Хватит! Пора отправляться дальше! Нас ждут!

Но Элан, подрубив крыло очередной твари, решившей атаковать сбоку, отрицательно помотал головой:

– Ты с ума сошел! Как я могу открывать портал во время боя!

– Ну, во-первых, они уже выдохлись и не нападают с прежней яростью. А во-вторых, раз способен разговаривать, то вполне готов и ко всему остальному. Давай!

Шаг; Меч чертит извилистую кривую – и на землю, истекая кровью, падают еще две твари. Второй; поняв, что жертва собирается улизнуть, вампиры бросаются в отчаянную атаку, однако уже начат новый танец, и он ничуть не менее эффективен, чем предыдущий, и Меч, не прерывая своего движения, собирает кровавую жатву. Третий; искристая дымка закрывает все вокруг, и теперь лишь редкие твари могут прорваться сюда, чтобы вновь исчезнуть в фиолетовом свете, отлетая под ударами танцующего Меча. Четвертый; и где-то далеко впереди задорная улыбка подбадривает человека: «Все хорошо... Еще шаг». Меч вновь взрезал пространство... и в легкие человека хлынула вода.

* * *

Вода была кругом. Со всех сторон, сверху, снизу. Огромное давление сжало Хранителя, словно в тисках – нужно было плыть куда-то, искать воздух...

– Элан! Успокойся! Отправь меня в ножны! Скорее!

Человек извернулся – и Меч скользнул в плоть, прижавшись к позвоночнику.

– Хорошо! А теперь дыши, о воздухе позабочусь я.

Хранитель недоверчиво открыл рот, вода тут же заполнила его, но вдох, хоть и тягучий, был вполне нормален. Каким-то непонятным образом вода бурлила во рту, отдавая накопленный в ней кислород, но дальше не шла.

– Это Скиндал, мир воды. Здесь нет ни земли, ни воздуха – только вода. Глубоко под тобой она густеет от высокого давления, образуя ядро. Там, в воде, есть особые примеси, делающие ее гораздо более тяжелой и густой, чем, например, ртуть, а ближе к поверхности жидкость разрежена – не вода, но водяные пары. Газов там, тем не менее, нет – зато они есть вокруг нас, растворенные в самой воде. Как тебе здесь?

– Нормально. И кто живет в таком мире?

– Рыбы, кто же еще? – будь Меч человеком, он пожал бы плечами. – Возможно, у них и есть разум, но вряд ли ты сможешь с ними поговорить. Во всяком случае, до полного объединения. Потом и ты сможешь стать рыбой, если захочешь.

Вернешься сюда и поплаваешь вволю, может, кого и отыщешь. Перерождений пять назад Хранитель Сибел постоянно тут отдыхал, ему эти места очень нравились. У него здесь были даже друзья, только разумных среди них не было.

– Ты говорил, что и вампиры неразумны. Но я видел! В их глазах горел пробуждающийся разум!

Кристалльный Пепел поморщился, и словно ледяная волна пробежала вдоль позвоночника.

– Я не говорил, что они безмозглые, просто дикие. Большая разница. У них есть шанс стать разумными – через пару десятков тысячелетий, и при хорошем питании. – Меч усмехнулся. – Нам пора двигать дальше. Справишься?

– Дальше? Мне казалось, что в каждом мире я подвергался очередному испытанию. А как же этот?

– Испытание? По-моему, скорее учебе. Ты уже достаточно научился доверять себе и своему клинку, чтобы даже не заметить опасности этого мира; просто приспособился и выжить там, где погиб бы любой другой. Пора уже направиться на встречу с судьбой. Ведь так, Грея?

– Пожалуй. Он адаптировался достаточно быстро. Теперь можно раскрутить и спираль поиска.

– Стойте! Что за поиск?

Ответом ему стал легкий девичий смех.

– Последнее испытание для Хранителя, и начало его будущей работы. Мы встретимся только в том мире, где больше всего боли и страданий. И еще: до встречи со мной ты должен будешь встать на одну из сторон, принимать решения и отвечать за жизнь других, не зная, что ждет тебя впереди. Ты готов?

Элан сделал шаг; среда вокруг пружинила, обволакивая тело. Оно стало невесомо послушным, Меч легко вышел на свободу, и вода забила легкие, не давая дышать. Еще шаг; в глазах фиолетовые искры, однако клинок скользит

сильно и плавно, направляемый твердой рукой. Шаг; фиолетовая дымка сгущается, скрывая окружающее, вода леденеет, заставляя замедлить движение. Шаг; Меч взрезает пространство, и Хранителя словно выталкивает в открытое окно. Вода, кругом вода. Элан судорожно бьет по ней руками: «Воздуха!» Хлоп! Небо! Синее, оно висит над головой, и яркое солнце светит по-земному легко и мягко! И тут, будто судорога пронзила тело Хранителя. Мышцы стянуло жгутом, он забился, поднимая брызги. Дикая боль пронзила каждую клеточку, заставляя забыть обо всем.

– Поздравляю! Мы нашли нужный мир! Дракон пробудился! Дело за малым – выжить и постараться найти Грею! А пока – помолчим.

Бум! Внезапный удар палкой – и Элана поглотила тьма.

Глава 4

– Нет, ну вы поглядите! Вот это находка! Нового раба из реки выловил! Может, теперь выгодней с удочкой на промысел ходить?

– Нет, с рыболовным сачком!

Дружный гогот вспугнул стаю птиц, начавших с недовольными воплями кружиться над поляной. Здорово болела голова. Элан с трудом раскрыл сначала один глаз, потом другой. Обычный, вполне земной лесок, обычные рыжебородые мужички, костер, на котором жарится нечто вкусное...

– Где я? И где мой меч?

– Вы посмотрите, он еще и разговаривает! Нет бы спасибо сказать! Я тебя, можно сказать, из реки вытащил, спас. Где ж твоя благодарность? – плечистый крепыш с бородой, залитой жиром, явно мнил себя остряком.

– Где мой меч?!

– Если ты про ту железку, которая у тебя в руке была, так я ее обратно в воду бросил. Ни на что путное она не годится. В отличие от тебя!

Бородачи вновь заржали, один даже упал на колени, морщась от смеха – похоже, компания оттягивалась всю.

Хранитель с трудом поднялся. Здорово мешали связанные от плеч до кистей руки и – от колен до бедер – ноги. Увязая в прибрежном песке, он направился в воду.

– Э, мясо, стой! – Здоровяк подскочил к Хранителю и, развернув, опрокинул ударом кулака. – Ты теперь мой раб! Будешь делать только то, что я скажу! Понял!

– Да пошел ты! – Элан напрягся, но кожаные ремни, стянувшие руки, держали крепко.

– Не слушаться нового хозяина? Н-на! – Очередной удар опрокинул Элана в костер, но парень лишь улыбнулся и остался лежать на потрескивающих углях, не делая попытки выбраться.

– Ты что делаешь! Он ведь сгорит на фиг! Если такой строптивый – отдадим жрецам, пусть они его хоть в жертву приносят, хоть сами обламывают, глядишь, налог снизят. Вытаскивай!

Это скомандовал дорого одетый бородач, похоже, предводитель – с золотой цепью и клинком с богато разукрашенной рукоятью.

Землянина вытащили из костра и принялись пинать, срывая растерянность и злобу.

Крах! Не выдержали прогоревшие ремни. Хлоп! Один из бородачей упал, сжимая свое хозяйство, и, постанывая, откатился поближе к кустикам.

Еще пару дней назад в такой ситуации Элан покорно выполнил бы все, что ему приказали, и тем более не мог бы неподвижно лежать на раскаленных углях, ожидая, пока прогорят ремни; но он изменился. Да, не было Меча, и Дракон не

подавал голоса, лишь руки сами собой схватили первого подбежавшего бородача и, подняв, с размаху опустили на подставленное колено. Остальные, увидев участь заводилы, побледнели и кинулись за оружием. Хранитель же, шатаясь, направился к реке.

Вода приятно холодила истерзанную лаской огня кожу. Защищало сразу все тело, но тлеющая одежда потухла. Кристальный Пепел! Он где-то рядом! Хранитель нырнул поглубже, внутренним чутьем ощупывая дно... Правее. Еще. Есть! Он ощутил знакомую рукоять – и сразу перестал ныть обожженный бок, голова прояснилась, и можно было вынырнуть для более близкого знакомства с рыжими собеседниками.

Бородачи, похватав оружие, в растерянности толпились возле кромки воды. Едва увидев Хранителя, они тут же выпустили в него парочку стрел. От одной Элан увернулся, другую остановил, перерубив Мечом еще в воздухе.

– Живьем брать! Кто там такой ретивый? – предводитель стоял повыше остальных, на пригорке, ничуть не сомневаясь в успехе. Он даже не вытащил из ножен свой дорогой, изукрашенный самоцветами клинок, лишь глаза его чуть сощурились, наблюдая за ловким рабом.

Бородачи завозились – тут же взлетели арканы, перечеркивая небо тугими струнами жил. Меч Элана словно зажил отдельной жизнью, вторя натянувшимся струнам, и странная мелодия угасла, не начавшись.

– Ну, блин... – с удивлением выговорил один из рыжебородых, глядя на порубленные веревки. – И это ржавой железкой! Что же будет, если ему в руки настоящий клинок попадет? Вяжи его!

Толпа взревела и накинулась вся сразу. Элан на секунду замешкался. Первый жар прошел, и рубить всех подряд, оставляя за собой кровавое месиво, не хотелось. Тут в его тело впились сразу десятки рук, и стало жарко...

Свет и тень чередовались, рождая чехарду дней. Кристальное тело протянулось сквозь столетия, отсвечивая фиолетовой дымкой. Это было изумительное состояние покоя, когда можно расслабиться, вспоминая ушедшее и прозревая грядущее... Метеориты проскальзывали сквозь туманную область, рождая

крошечные искорки. Потоки света чужих солнц ласкали кристаллы, распавшиеся на атомы, но не утратившие своей структуры – не в пространстве, во времени... Шлейфы комет проходили сквозь призрачного Дракона, вызывая легкую щекотку. Greilaina отсчитывала время по таким щекоткам – это было не менее точно, но значительно проще, чем по мельтешению планет. Те появлялись и исчезали слишком быстро, закрывая от нее солнце и заставляя прислушиваться к течению столетий. Свет – тень, свет – тень... Когда пробудился Хранитель, Greilaina стала внимательней следить за пролетающими мимо мирами – который из них?

– Впрочем, – успокаивала она себя, – еще есть время. Никто не в состоянии найти путь быстро. А может, он не найдет его вообще...

Дракон плотнее свернулся во времени, сгустившись до мельтешения дней, и принялся дремать вполглаза, наблюдая за молодым и наивным человеком...

Судорога свернула пространство, заставив время на миг остановиться и выдрать из себя распавшийся на временные частицы кристалл. Драконесса вскрикнула от неожиданности – мальчонка оказался шустрым! А затем, погасив усилием воли миллиарды болевых импульсов, она принялась строить себе подходящее тело. Пожалуй, в этот раз не стоит никого ужасать – можно и пококетничать...

Голова раскалывалась, ударяясь о прыгающие прутья повозки. Элан застонал и попытался ухватиться рукой за борта телеги, в тщетной попытке смягчить удары.

– Кажется, я скоро возненавижу этот мир... – пробормотал он сквозь стиснутые зубы, пытаясь прийти в себя. При этом натянулись и звякнули цепи, сковавшие его тело.

– Не ты один. Подожди-ка.

Чьи-то сильные руки подхватили его и устроили поудобней, прислонив к стенке повозки и подложив под спину клочок соломы. Стало полегче, и Элан рискнул открыть глаза. Впрочем, почти сразу он пожалел об этом.

Допотопная, но крепкая телега с установленной на ней клеткой из железных прутьев ехала в середине каравана, вся в облаке плотной дорожной пыли. Двое животных, похожих на вытянутых и сплюснутых лошадей, тащили ее монотонно и равнодушно, безучастные ко всему. Возницы не было. Первыми катились повозки побогаче, закрытые полотняным верхом, защищающим от дорожной пыли. Вдоль каравана сновали всадники на таких же диковинных лошадях. На странном образом спаренных седлах, напоминающих тандем, умещалось сразу по двое наездников – один был занят управлением, другой осматривал дорогу. А сзади... Сзади шла вереница людей – тощих и изможденных, одетых в самые невообразимые обноски, с веревками, обхватывающими тонкие шеи. Веревки ни к чему не крепились – просто толстый жгут каната, лежащий на плечах. Но, судя по всему, держал он прочно. Стоило кому-то из бедолаг споткнуться, как веревка натягивалась, рывком возвращая человека на его место в строю.

– Ну как вид? Радуйся, что ты не среди этих бедняг – тех, кто покрепче, продадут на рудники, ну а остальных – в храм, на жертвоприношение.

Элан посмотрел на собеседника, хотя голову поворачивать было трудно из-за цепей, сковывающих тело. Рядом с ним во вполне добротной кожаной одежде сидел крепкий, поджарый мужчина с черными, как смоль, волосами. Его руки явно чаще прикасались к оружию, чем к инструменту. Его шею украшал металлический ошейник – массивный и широкий, он также ни к чему не крепился.

– А куда денут нас?

Радуюсь, что у него появился собеседник, черноволосый затараторил.

– Меня, понятное дело – в школу меча, для тренировок и на показательные выступления. Место так себе, но жить можно, если не подставляться на ристалищах по праздникам. Старха – на опыты в лабораторию магии, его там будут изучать по кусочкам, пытаюсь понять потенциального противника. А куда тебя – понятия не имею. С одной стороны, на тебя не подействовал обряд подчинения, с другой – воин ты знатный. Слушай, лучше смирись. В школе меча не так уж плохо, а из лабораторий магии еще никто не выходил. Понял?

– Нет, – Элан был честен, но его собеседник принял это за издевку и отодвинулся в угол, что-то недовольно бурча. – Слушай, а кто это – старх?

Черноволоосый кивнул головой в сторону странного бака из металла, занимающего не меньше трети повозки. Неуклюже склепанный, закопченный, он, тем не менее, был достаточно сложным по конструкции, благодаря множеству дополнительных деталей, начиная от частой решетки сверху и заканчивая хитроумными трубками, уходящими в воду.

Элан занялся цепями. Оковы сковывали руки и ноги, оставляя крошечное пространство для маневра, железное кольцо надежно обхватывало шею и крепилось где-то под днищем повозки, исчезая за рядом прутьев. С трудом встав, Хранитель проковылял к чану и попытался приподнять решетку.

Под ней, в воде, спиной кверху плавало удивительное создание. Мощный торс сидел на стройных, заканчивающихся плотными перепонками, ногах. Казалось, вместо ступней природа вырастила ласты. Руки, обхватившие тело, тоже были снабжены перепонками – но больше походили на человеческие. Тело до плеч, словно броня, покрывала крупная жесткая чешуя. Вокруг головы пушистым облаком разлетелись тонкие светлые волосы.

Пленный воин, подойдя, глянул в воду и забарабанил по стенке бака.

– Эй, рыба! Повернись, дай рассмотреть тебя, пока ты еще не очурился. Тут появился новенький, который таких никогда не видел.

Старх развернулся. Его лицо, ровное и гладкое, удивительно похожее на человеческое, было необычайно красивым. Казалось, кто-то взял лицо обычного человека и слегка вытянул. Длинные брови, спускающиеся к вискам, глаза – под стать бровям, длинные губы, и на этом фоне – удивительно маленькие нос и подбородок. Его черты поражали соразмерностью, законченностью. Они были бы прекрасны, если бы не глаза, взирающие на Элана с нечеловеческой мукой.

Парень отшатнулся, словно от удара.

– Что с ним?

Черноволоосый рассмеялся.

– Никогда не видел снулой рыбки? Что-то у господ караванщиков не заладилось, и заклинание, которым нагоняют воздух в чан, перестало работать. Времени старху осталось – в лучшем случае до обеда. Он дышит воздухом, растворенным в воде – и, когда он кончится, одной рыбой на земле станет меньше.

Воин указал на странные трубки, торчащие из чана.

Элан медленно кивнул, вспоминая учебники по физике.

– Слушай, а как тебя зовут?

– Кондиг. Я воин из народа теев, захвачен во время набега. Кто ж знал, что в том распадке засада? А эту снулую рыбку зовут Крей. Хотя теперь уже – звали.

– А откуда ты знаешь, как его зовут?

– Пока работал магический движитель, мы могли говорить сквозь трубки. Стархи булькают во время разговора, но понять можно. А что?

– Помоги снять рубашку. Только не рви – она нам еще потребуется. И вытащи несколько тонких прутьев из борта тележки. Попробуем помочь собрату по несчастью...

Минут через двадцать импровизированные меха были готовы и работа закипела. Было ужасно неудобно вручную нагнетать воздух сквозь тонкие трубки, но пузыри продолжали идти, и через какое-то время послышалась странная, булькающая речь:

– Спасибо. Хотя лучше бы вы оставили меня в покое. Смерть от удушья мучительна, но от магических экспериментов – не лучше.

– Не спеши помирать. Кто знает, что ждет тебя впереди.

Хранитель неосмотрительно подошел к краю чана. Щелк – он еле успел отшатнуться. Узкая рука стремительно выскочила из воды. На тонких, ажурных пальцах внезапно выросли острые когти.

– Зачем?

Послышался булькающий смех.

– Я хотел подарить тебе самое ценное, что имею – легкую смерть. Ты добрый человек и заслужил такой уход – быстрый и плавный, как бег волны во время штиля.

Элан вздохнул. Похоже, работы здесь невпроворот.

* * *

Тело. Новое и тонкое, звенящее, словно струна. Энергия била через край, хотелось бежать, петь, кричать... Только от крика Дракона, даже в человеческом теле, могли рухнуть скалы, и Грея решила выбраться из пещеры, в которой проснулась. Мрак, обволакивающий ее стройное тело, словно плотные, дорогие одежды, не мог помешать стремительному бегу. Там, где бессильны глаза, есть другие чувства: слух, обоняние, осязание.

Гулко звучат шаги, рождая эхо гранитного перестука. Вот звук изменился. Значит, впереди трещина – тело само сделало прыжок, вновь оказавшись в безопасном месте. Сменился запах – впереди плесень, ноги нужно ставить отвесно, чтобы не поскользнуться. Повеяло ветерком – значит, выход – там, и нужно ускорить и без того сумасшедший бег.

Воздух обдувал разгоряченное тело, давая приятную легкость и осторожно щекоча локонами волос лицо. Свет, тускло замаячивший впереди, мигнул раз, другой – и брызнул в глаза пучком солнечных лучей, создавая сцену для выхода. Еще несколько шагов – и вот она, свобода быть большой и сильной, свобода делать то, что хочется ее новому телу. А рядом – море. Оно играло барашками волн, манило ласковым рокотом и было совсем близко.

– Стой! – странный, шипящий голос, рожденный явно не человеческими связками.

Грея развернулась, изучая.

– Как ты оказалась на архипелаге Великого Змея, человеческая девушка? Ты решила, что стала великим магом и построила портал в неведомое? Здесь не любят незваных гостей...

Невесть откуда взявшаяся сеть сковала движения и заставила драконессу в недоумении остановиться, давая время странным собеседникам подойти поближе. Несколько человекообразных фигур с небольшими хвостами, в плотной одежде, сшитой не иначе, чем из чешуи рыб, безволосые, с плотно прилегающими к черепу ушами, с узкими выпуклыми глазами со странным вертикальным зрачком и при этом зелеными, как молодая трава. В руках они держали копы с костяными наконечниками. Грея рассмеялась. Ее смех, вначале по-девичьи звонкий и беззаботный, становился все ниже и ниже, рождая громовые раскаты. Странные люди упали, зажимая уши руками, но отпускать добычу они явно не хотели. Один из людей-ящериц поспешно выкрикнул приказ, и магическая сеть принялась сжиматься, подбираясь к горлу.

– Давай, выходи!

Элан с трудом сел, разминая затекшее тело и щуря глаза.

Цепи давили невыносимо, не давая толком уснуть. Впрочем, несмотря на тряску, он заставил себя подремать часок-другой, справедливо рассудив, что ночью в его положении лучше попытаться исчезнуть из странного лагеря.

– Давай! Сиятельный господин Н`Рек желает поговорить с тобой.

Древко копы чувствительно прошлось по ребрам, заставляя поторопиться. Землянин с трудом встал и вышел из повозки. Цепи стянули так, что нельзя было ни выпрямиться, ни широко шагнуть.

Солнце садилось за горизонт, и караван невольников устроился на ночлег. Удобная поляна недалеко от реки вместила несколько повозок. Уже были расставлены шатры, разложены костры, и рабы сбились кучей у самого берега, наблюдая за огромным котлом, в котором один из рыжебородых помешивал поварешкой какое-то вязкое месиво – по всей видимости, аналог местной каши.

Рыжебородый предводитель караванщиков успел устроиться довольно удобно, в красивом и богато разукрашенном шатре, лениво развалившись на подушках и ощипывая с грозди что-то чертовски напоминающее виноград. Перед ним на деревянной подставке лежал... Кристальный Пепел!

- И как ты мог сопротивляться моим воинам с помощью этой ржавой железки? - спросил Н`Рек, вместо приветствия плюнув в сторону Элана виноградной косточкой.

- Это не ржавая железка. Это мой меч! - испытывая неодолимую потребность вцепиться холеному караванщику в горло, угрюмо ответил Элан. Многочасовое наблюдение за бредущими в пыли рабами испортило его и без того скверное настроение окончательно. Он никогда не знал, что можно так унижать людей! Вдобавок ко всему его просто убивало выражение тупой покорности, написанное на усталых лицах.

- Меч, конечно, меч... - Караванщик закивал, ехидно ухмыляясь в усы. - Но почему ты им так дорожишь? Что он может?

- Резать глотки врагов. Для чего еще нужны мечи?

- Чтобы производить впечатление на друзей. Сообщать всем встречным о твоём высоком положении и достатке. И главное - они могут быть магическими. Все мои амулеты ничего не могут мне сообщить о природе этой ржавой железки, которую я вижу перед собой, однако почему-то она тебе важна, правда? Что в ней особенного?

Элан пожал плечами.

- Для тебя это старый кусок металла. Для меня же - друг.

Н`Рек вскочил и в возбуждении забегал по ковру, покрывающему пол в шатре.

- Если бы мои амулеты показали мне, что это просто кусок металла, я давно выкинул бы его на помойку и забыл обо всем. Но они молчат. Глаза говорят мне, что это - самая никчемная железка из тех, что люди выдавали за оружие. Однако глаза могут ошибаться. Ведь так?

Рыжебородый подскочил к Хранителю и рывком поднял его голову так, чтобы заглянуть в лицо.

- Твой меч... Что он может?

Элан усмехнулся.

- В твоих руках - ничего. В моих - дай мне его, тогда увидишь.

Хлесткая пощечина была ему ответом.

- Дерзкий мальчишка! Заклятие правды, заключенное в моем перстне, не видит лжи - но что-то тут не так! Ты одет не так, как здешние плебеи, не так говоришь и не так себя ведешь... Ты прибыл издалека. Ты маг?

Элан расхохотался, хотя щеку здорово жгло.

- Будь я магом, вряд ли я стоял бы тут, да еще в цепях. Скорее, они были бы на тебе.

Н`Рек остановился.

- Легенды говорят о великом маге и его великом мече, сокрушителе неверных и построителе нового мира. Он всегда приходит издалека - и те, кто узнает его и начнет служить ему, становятся первыми в королевствах, которые он создаст, разрушив все старые. Вначале он молод и неопытен, но с каждым мигмом он набирается сил. Это великая честь - первым поклониться такому магу...

Рыжебородый Н`Рек пылливо смотрел на Хранителя, словно пытаясь прочесть его мысли. Элан хмыкнул.

- Даже если б у меня и было собственное королевство, вряд ли я посадил бы на его трон работорговца. Скорей бы уж - прекрасную девушку с внушительными формами. Пусть бы набрала себе армию пышногрудых девиц и устраивала очаровательные парады.

Н`Рек хмыкнул, представив эту картину, и землянин потихоньку перевел дыхание – все же удалось свернуть со щекотливой темы. Похоже, здесь уже бывали Хранители.

Ночь окутала лагерь темнотой и тишиной. Не было слышно ни шума людей, ни пересвиста птах, ни рыскания животных. Небольшой серп луны, очень похожей на земную, но поменьше, едва освещал потухшие костры и фигуры часовых, мирно спящих на своих местах. Караван находился в сердце могущественной империи, и не было причин быть слишком бдительными... Элан, весь взмокший от попыток хоть как-нибудь расшатать звенья цепи или расковырять заклепки на них, обессиленно прислонился к борту телеги. Их не стали выводить из нее, дали справить нужду, похлебать баланду под бдительными взорами десятка стражников – и вновь загнали в клетку.

– Ничего у тебя не получится, – одними губами прошептал Кондиг, наблюдающий за стараниями землянина сквозь полуопущенные веки. – Цепи заклепаны магически, обычный человек с ними ничего сделать не может, тут нужен маг.

Маг! Н`Рек намекал, что он, Элан – великий маг, не осознающий своего могущества. Интересно, как бы это проверить? Хранитель по-новому посмотрел на цепи. Еще одно испытание? Только кем оно задано? Судьбой или все-таки его ехидным Мечом? Он попытался что-либо приказать оковам – но железо осталось железом, не реагируя на его потуги. Хорошо. Предположим, что магия – просто неизвестный раздел физики, связывающий материю и сознание. Тогда нужно не командовать железом, а попытаться изменить его свойства. Если сделать заклепки более пластичными...

Когда через час попыток на одной из заклепок показалась маленькая вмятинка от ногтя, Элан еле сдержался, чтобы не завопить от восторга. Дело шло на лад...

Солнце уже вступило в противоборство с тьмой ночи, рождая тот предрассветный сумрак, что так тянет в сон, когда Хранитель тихонько положил свои цепи на землю и поднялся, разминая ноги. Подойдя к замку клетки, он напрягся – и дверь дрогнула, поддаваясь невидимому напору. Еще немного...

– Послушай! Не знаю, как тебе это удалось, но возьми с собой и меня! Один ты далеко не уйдешь!

Элан обернулся. Кондиг стоял сзади, теребя руками веревочный ошейник.

- Пойдем, в чем проблема?

- Я никуда не смогу уйти, пока на мне это!

Элан внимательно осмотрел оковы. Потом поднял цепь с заострившийся от его попыток колдовать кромкой и спокойно перерезал стягивающую горло варвара веревку. Кондиг обрадованно подскочил.

- Рванули отсюда, через час самые ретивые уже начнут просыпаться.

- Беги, а у меня еще пара дел. Найти свой меч - и вот, - Элан кивнул на бочку.

- Ты с ума сошел! В любом месте мы добудем тебе оружие лучше твоей железки, а старх - он же не человек! Он враг! Или ты забыл его когти, что едва не сомкнулись на твоём горле? Не делай глупостей.

Хранитель улыбнулся.

- Знаешь, последнее время я только и делаю, что глупости - вначале ввязался в чужую разборку, потом поверил ржавой железке, теперь спасаю воина, забывшего одно простое правило: нельзя оставлять на произвол судьбы того, чья жизнь лежала у тебя на ладони. Ну так как, поможешь?

Кондиг начал ругаться. Делал это он шепотом, но так яростно, что Элан только ежился, слушая поток непонятных слов. Похоже, в его обучение ругань не входила. А воин все не унимался. Его почти не было слышно, однако пока они открывали чан, поднимали тяжелое и скользкое тело вновь потерявшего сознание старха, варвар не замолкал ни на минуту. И лишь когда чешуя человека-русалки скрылась во тьме реки, он перевел дыхание и буднично спросил:

- Как ты меня заставил это сделать? Я ни у кого не шел на поводу! Но мне почему-то спокойно, словно я хорошо выполнил свой долг.

– Ничего я тебя не заставлял! Это был твой собственный выбор – и, похоже, ты им доволен.

Плеск воды заставил их вздрогнуть и обернуться. Лицо старха показалось над речной гладью. Струи воды стекали с него, образуя призрачный шлем. Кондиг напрягся и пригнулся, выставив вперед руки.

Старх смотрел на людей. Глаза его, большие и чуть навывкате, не выражали никаких чувств.

– Я вновь хозяин собственной судьбы. А вы – еще нет. На этом берегу опасно. На том – пустынно и спокойно. Торопитесь!

Из воды появилась рука, протянутая в сторону людей, когтей на ней не было.

Элан повернулся.

– Давай, Кондиг, это твой шанс. А я пойду искать свое оружие. Если все получится, через час я буду у вас. Если нет... В общем, не жди.

Воин напрягся.

– Я никуда не пойду! Тем более с этим!

Хранитель пожал плечами:

– Тогда возвращайся обратно в клетку. Думаю, тебя не накажут. – Он повернулся и пошел в сторону большого шатра, с удовлетворением слушая, как ругательства удаляются вместе с плеском воды.

Завязки на дверях пришлось распутывать зубами. Но когда развязалась последняя и Элан шагнул в шатер, в лицо ему брызнул яркий свет и с десятков наконечников уперлись в грудь. Поняв, что попал в ловушку, человек замер.

– Все-таки ты маг. Пожалуй, отдав тебя в руки Церкви, я смогу совершить самую выгодную сделку за всю свою жизнь, – Н`Рек довольно потирал руки. – Взять его!

Удар – и вновь все окутала темнота.

Гигантская сеть, разодранная на части, валялась на побережье. Грея растянулась на камнях, довольно греясь на солнышке. Несколько человек-ящериц суетливо несли ей самые разнообразные припасы, поглядывая на кровавое месиво, оставшееся от самых смелых или самых глупых. Когда огромный дракон расправляет крылья, нужно или склониться, или бежать, но уж ни в коем случае не нападать, по крайней мере, хорошенько не подготовившись. Сейчас они торопливо доставали все, что у них было съестного, надеясь, что, насытившись, страшное чудовище побрезгует их худосочными телами. Глава группы, склонившийся в невообразимой позе, отвечал на вопросы дракона, вновь превратившегося в хорошенькую девушку.

– Так почему ты решил, что я магиня, жрец?

– Люди давно уже не могут приплывать на архипелаг Великого змея! Стархи не позволяют проплыть или прийти сюда никому из людей! Они топят их корабли в двух лигах от берега, а то и прямо у причалов! Это сильные воины!

– Стархи? Это те люди-русалки, которые только начали осваивать подводные гроты, когда я была здесь в прошлый раз?

– Видимо, это было очень давно, почтеннейшая! Уже около тысячи лет, как стархи сбросили ярмо людей, перестав быть их рабами и поклявшись, что ни один работорговец не омрачит гладь моря. И они очень не любят, когда их называют людьми.

– Человеческого в них все равно очень много. Были бы рыбами – давно бы ушли в глубины, предоставив сухопутных жителей их судьбе. Но откуда здесь рабовладельцы? Когда я уходила, все люди были объявлены равными!

В глазах человека-ящерицы вспыхнуло понимание.

– Так вы...

– Не сейчас. Продолжай.

В глазах собеседника Грей вспыхнул огонь фанатизма. Он встал на одно колено и заговорил – негромко, но страстно:

– Я, жрец народа Вар-Раконо, коготь клана Бьющих прямо, Ракх-инти, клянусь помочь тебе, Та-Что-Приходит-Втроем, во всех твоих начинаниях.

– Тогда помоги своим молчанием! Сейчас я одна и не собираюсь пока ничего делать, если не считать обильного завтрака.

Грея облизнула губы, оценивающе изучая раконца. Тот вздрогнул, поклонился и, сев на землю, продолжил:

– Люди были равными недолго. Около сотни лет. Когда все равны – значит, к власти может пробиться любой. Как правило, пробивались самые изворотливые, подлостью и интригами прокладывающие себе путь к вершине. Но, следуя закону, они не могли долго удерживать власть в руках – явную, по крайней мере. И тогда появилась тайная, основанная на богатстве и пороке. Возможность править стала лишь инструментом разбогатеть и получить надел побольше. В те времена целые страны переходили из рук в руки, словно кусок булки. Кровь лилась рекой... Когда же правители определили границы своих торговых империй, нередко не совпадающих с границами государств, они обнаружили, что реальная власть уходит из их рук. Своей жадностью и лицемерием властители отвратили от себя людей – и те обратились к религии. Народ еще помнил приход Хранителя Предела, и это удачно легло на культ Троединого, сохранившийся с древних времен.

Народ тянулся в храмы, церковники потирали руки и богатели. Вначале восстановили все старые храмы, потом принялись за новые. В школах учителя «на добровольных началах» рассказывали подрастающим детям о необходимости веры и разгуле порока среди безбожников. Очередной президент оказался глубоко верующим. Церковные законы становились все жестче, объявляя еретиком уже того, кто не нес жертвоприношения... Потом Церковь получила статус государственной – и начался новый передел власти. Кровь вновь полилась рекой, и теперь уже олигархи оказались не готовы. После очередной волны войн на всем континенте людей воцарилась единая власть Церкви. Президент-фанатик, ставший кровавым тираном, уступил место епископу Конштейну. Тот пошел еще дальше – объявил, что поскольку души людские принадлежат Богу, то их тела – воплощению Бога на земле, или Церкви...

Грея слушала, морща очаровательный носик и лакомясь нежно-розовым виноградом.

Повозка вместе с толпой рабов медленно втянулась в ворота Северина. Первый город, увиденный Эланом в этом непонятном мире, был довольно величественен. Огромные стены из темного камня устремлялись ввысь на десятки метров, защищая город от возможной угрозы. Толстые, не меньше дюжины шагов в ширину, они создавали ощущение надежности и несокрушимой мощи.

Каменная кладка центральных улиц, по которым двигалась повозка с Хранителем – остальные сразу же куда-то свернули за городскими стенами, – была ровной и аккуратной. Клетку почти не трясло, и арбалетчики, державшие на прицеле мага, сумевшего вырваться за пределы зачарованных оков, позволили себе немного расслабиться. Они положили оружие на колени, не переставая пристально следить за ценным узником, и начали негромко переговариваться.

– Ну что, маг? Не передумал? Знаешь, что Церковь делает с такими, как ты? – Н`Рек, ехавший рядом с повозкой на великолепном жеребце, был настроен серьезно. – Это твой последний шанс.

– Не понимаю, о чем ты, – Элан усмехнулся. – Не засти, город мешаешь осматривать.

– Смотри, смотри... Может быть, это последнее, что ты видишь в жизни. У ждущих Триединого есть такая милая пытка – на глазные веки, широко раскрытые с помощью специальных приспособлений, капают капли воды... По одной в минуту. После трехсотой ты слепнешь, после трехтысячной – сходишь с ума. Так что смотри, пока можешь...

Мерзко ухмыльнувшись, Н`Рек отстал, придерживая лошадь и снимая шапку, – телега въезжала на главную площадь. Все здания, окружавшие ее, не имели окон, но двери зданий выходили в сторону церкви.

Огромная, выложенная темным, не отражающим лучи света камнем, площадь поражала не столько размерами, сколько именно необъятностью этой

первозданной черноты. Казалось, что телега едет по остывшим углям ада. И посреди этого мрачного поля возвышалось огромное белоснежное здание, покрытое золотой росписью и главенствующее над всеми зданиями города – храм Триединого.

– Зачем направляетесь в дом Божий со скверной повозкой, возлюбленные чада Божьи? – Несмотря на умильный тон, выступившие из тени священники могли своим видом внушить ужас банде разбойников и разогнать ее – причем по одному. Три фигуры, вышедшие на свет из какой-то неприметной щели, поражали своей мощью: бугрящиеся горы мышц, крепкие бритые головы и явно не декоративное оружие, слабо сочетающееся с простотой монашеской рясы. Увидев их, вздрогнул не только Элан. Охранники торопливо сделали какой-то сложный знак, а Н`Рек, соскочив с коня, принялся взахлеб шептать что-то старшему из святош, всунув ему в руку несколько монет, отливающих золотом. Наконец фигуры, повернувшись, скрылись в тени стен, а рыжебородый, суетливо вскочив на коня, вновь дал команду двигаться, утирая вспотевшее лицо.

– Давайте к храму, и никуда не сворачивайте. У них новый налог: не осененные благодатью божьей должны платить за все время, проведенное возле дома Триединого, и трехкратно – за пребывание в нем. Так что чем меньше времени мы потратим – тем больше сэкономим. Давайте, пошевеливайтесь!

Охрана у ворот самого храма, похоже, была уже предупреждена и без разговоров открыла чугунные, скорее декоративные, чем охранные ворота, венчающие изгородь – низкую, богато разукрашенную, ограждающую церковь от черноты площади, – и отряд торопливо въехал во двор храма. Земля здесь была белоснежной, и даже грязные сапоги путешественников не могли оставить на ней ни пятнышка. Элан присмотрелся – все под ногами сияло мягким, чистым светом, но земля оставалась землей, а грязь – грязью.

– Тот ли это еретик, о котором нам поведали стражи?

Хранитель вздрогнул. Откуда-то из недр храма вышел священник, причем умудрился сделать это совершенно бесшумно, что было удивительно при его комплекции. Размерами он не уступал, а то и превосходил давешних охранников, но мышцами здесь и не пахло. Все было покрыто жиром: огромные жирные руки, массивные перстни, которые тонули в складках кожи, живот, выпирающий вперед на полметра, с массивным, сложным золотым знаком на нем, и головной убор из мягкой ткани, расшитый непонятными знаками и

отягощенный драгоценным металлом. Однако, несмотря на кажущуюся беспомощность, двинулся этот священник легко и тихо, а глаза глядели пристально и цепко.

– Да, святой иерарх! Это несомненный маг, который обнаружился среди моих рабов. Похоже, он спятил в ожидании Триединого и таскается повсюду с ржавой железкой, называя ее мечом... – Н`Рек с поклоном протянул священнику сверток, в котором Элан не без удивления узнал свой собственный Меч.

Иерарх испытующе посмотрел на землянина.

– Это правда? Ты действительно тот, кто приходит Триединым? А это твоё оружие?

Хранитель рассмеялся.

– Я обычный человек. А это – действительно мой меч. Другого у меня нет, да мне его и не нужно – я привык к этому. Поэтому во имя бога, которому ты молишься, отпусти меня и верни мои вещи!

Иерарх прикрыл глаза и задумался. Во дворе как-то сразу стало очень тихо – все стояло молча, внимательно наблюдая за лицом священника, по которому пробегали какие-то тени. Наконец он открыл глаза и провозгласил зычным голосом, сразу же заполнившим двор храма и спугнувшим стайку птиц с его крыши:

– Поелику не установлено, тот ли это маг, о котором нам говорил работорговец Н`Рек, он получит лишь часть обещанной награды, а именно – сто золотых. Странник же, именуемый Эланом, будет гостем Церкви до тех пор, пока она не убедится в его истинных намерениях и внутренней сущности.

Откуда-то из неказистых построек вынырнули несколько человек со сложной символикой на одежде, резко вывернули руки землянину и поволокли в глубь храма. Последнее, что успел увидеть Хранитель, – стоящего посреди двора Н`Река с протянутой рукой и священника, не спеша перебирающего монеты.

Глава 5

Первые несколько дней Элана вообще ни о чем не спрашивали. Странные люди в коричневых рясах сидели, уставившись на него, и что-то бормотали себе под нос. О том, что это маги, Хранитель понял только тогда, когда у одного из них что-то не заладилось, и он вспыхнул, как спичка, сразу весь, с головы до пят. Тем не менее воспользоваться сложившейся ситуацией и сбежать он даже не попытался – несколько уроков, преподанных в первый же день, показали ему, что стража храма, равнодушная к жизни и смерти, как к своей, так и чужой, не спускает с него глаз. И хоть зачастую ее не было видно, но за красивыми портьерами и драпировками всегда сидели несколько человек с арбалетами, неизменно нацеленными на Элана.

Знать, что за тобой постоянно наблюдают минимум три пары глаз, – это жутко раздражало. Сильнее раздражали лишь проповеди. Хранитель и на земле не ходил в церковь, полагая, что если Бог есть и так всесилен, как расписывают священники всех мастей, то ему совершенно не нужны посредники для того, чтобы заглянуть в душу к человеку и узнать, чего он стоит. Здесь же приходилось минимум пять раз в день ходить на проповеди – их обычно вели в общем зале церкви, огромной, забитой весьма богатым и преуспевающим людом. Элана, естественно, не смешивали с толпой – его сажали на низкую скамеечку в темной нише, скрытой в одной из боковых стен, и в спину ему тут же упирались как минимум два клинка. Церковники справедливо опасались, что Хранитель может воспользоваться скоплением людей и попытаться сбежать. Проповеди были длинными и чрезвычайно нудными. Первое время Элан пытался на них дремать, пока однажды один из стражников, впад в религиозный экстаз, не нажал слишком сильно на клинок, разрезав ткань и оставив внушительный порез на коже. Рану обработали, стражника сменили на более аккуратного, но теперь приходилось быть начеку, отслеживать движения клинков и поневоле прислушиваться к тому, что говорилось в проповедях.

Это была дикая смесь самых разных религий. Видимо, не один Хранитель пытался донести верования своего народа до здешних жителей. Христианство и ислам, буддизм и язычество, щедро приправленные фантазией местных священников, создавали совершенно невообразимую смесь демагогии и риторики, замешанную на страхе и приправленную мистицизмом.

Однажды коснулись и пришествия Хранителей.

– Боги добры, они не лишают своих чад свободы воли, позволяя им самим исправить грехи своего рождения, – вещал с трибуны елейный проповедник с неожиданно сочным, властным голосом. – Рожденные из греха родителей, во крови, в грешной плоти, вы самим своим присутствием оскорбляете Творца! Он должен был бы уничтожить вас еще при рождении! Но Бог милосерден – он удалился от вас, чтобы вы не оскорбляли его вида своим ничтожеством! Он дал вам возможность исправиться, он дал вам тысячи жизней, прожив которые вы станете лучше и сможете находиться подле него. Но даже столь великий план нуждается в усовершенствовании! Вы, своим ничтожеством и своими грязными мыслями, вынуждаете ЕГО появляться в нашем мире, что уже достаточно тяжелое испытание для чистого духа. Поэтому он воплощается в триедином теле, созданном, чтобы быть мудрым, милосердным и жестоким одновременно – в Драконе, Человеке и Мече! По отдельности они ничто, скорлупки посуды, созданной для одной цели, неспособные на величие! Однако в момент их единения божественная сущность нисходит на них; и они становятся Триединым – сыном Божьим, присланным на Землю для суда над людьми! И если мы презираем их по отдельности, то при появлении божества надлежит упасть ниц и молить его о милосердии! Ибо если обратит он на нас свой гнев, рухнут даже горы, и реки потекут вспять, и раздастся скрежет зубовой...

Священник перешел к обычному набору угроз для отъявленных грешников, обещая спасение тем, кто больше пожертвует храму, а Элан погрузился в раздумья. Хитро придумано! Значит, сейчас он – меньше, чем человек, никто, кусок разбитой чашки, и лишь церковники будут решать, что с ним делать. Великая вещь – демагогия! Вроде и суть не исказили – а повернули все так, что только они одни решают, как и когда появится их бог, да и бог ли он...

Похоже, его раздумья не остались незамеченными. На следующий день его никуда не повели, оставили в келье. Он уже начал откровенно скучать, когда на пороге появился тот иерарх, что купил его у работорговцев. Звали его Протолет, и был он кем-то вроде епископа – должность немаленькая и вполне самостоятельная.

– Расскажи, сын мой, как тебе наше гостеприимство? Нет ли надобности в чем-либо? Говори, не стесняйся.

– Спасибо, конечно. Пища вкусная, жилье сносное. Не хватает самой малости – свободы! А то устал я от вашего хлебосольства с ножами за спиной, – буркнул Элан, недовольно поморщившись.

– Сейчас у тебя никаких ножей за спиной нет, мы одни, – развел руками иерарх, словно и не заметив дерзости Хранителя. – А что до стражей – то извини, у нас в храме колдовать не принято, а ты, говорят, балуешься этим делом. Что касается свободы – выкупили мы тебя, должен ты нам. Хочешь – отдай вместо денег свой меч и иди себе на все четыре стороны...

Элан аж подскочил, впившись взглядом в маслянисто поблескивающие глазки церковника. Но потом сел и, переводя дух, помотал головой.

– Нет. Без меча не уйду. Если хотите – поверьте на слово, вернусь – отдам долг.

Иерарх довольно улыбнулся.

– Правду говорят, ни один Хранитель добровольно не расстанется с Мечом. Да, да, я помню, не вскидывайтесь, молодой человек, – вы не Хранитель. Что касается вашего предложения – мы обсудим его, а пока позвольте старому человеку поговорить со странником, обсудить пару важных для него вопросов... Что в вашем понимании БОГ?

Элан задумался. Что отвечать? То, что думает?

– Для начала – творец. А дальше... Это очень сложно. Во всяком случае, ни одна современная религия даже близко к сути вопроса не подошла. Им бы не о собственном брюхе заботиться, а научно-исследовательские институты открывать – по генетике, теории поля и так далее. Если, конечно, у них в планах найти и понять Бога...

Иерарх довольно кивнул. Видно, теперь игра шла на его поле. Он наклонился вперед и начал говорить страстно, с жаром:

– Вы, как мне кажется, совершенно не знакомы с трудами древних мастеров, и выводы делаете от своего мировоззрения и тем более еще говорите о современной религии! И у вас есть еще какое-то мнение по этому поводу! Для того чтобы понять, как близко религия подошла к Богу, нужно самому сначала познать Его, иначе как вы определите, кто пришел или не пришел? И все же я и так вижу – вы еще в пути и далеки от истины. И главное: есть всего две науки – наука о внутреннем и наука о внешнем. Все светские теории относятся к

последней категории, и кто изучает их, далек от Господа, потому что это наука внешнего, и лишь религиозность – наука о том, что внутри, о душе человеческой, – Иерарх благостно улыбнулся. – Да и как можно найти Бога, изучая окружающее, если он в нашем сердце?

Элан улыбнулся:

– То есть, чтобы понять, справедлива ли ваша религия, я должен найти место Всевышнего в мире... А чтобы его найти, я должен воспользоваться вашими методами, поскольку никакие другие не годятся. Приняв ваши построения, я поневоле приму и вашу веру, и спор пойдет уже не о богах в целом, а о частностях вашей концессии. Ловко!

Иерарх ухмыльнулся:

– Вы смотрите глубже, чем другие, и видите логические ловушки там, где остальные лишь испытывают священный трепет, приобщаясь к откровению. Хорошо, попробуем более прямо: Существует ли Бог? Как может быть так много зла в мире, если Он – есть? Почему процветают голод, ненависть, зло? В действительности, Господь – это мифическое слово, абракадабра, придуманная невежественными людьми, ищущими благодать. На деле, Всевышний – это суть всего сущего, или существование – это Бог. Когда мы говорим, что Он – есть, мы создаем что-то из слова Бог, тогда Он становится вещью. Однако Он не вещь, и не личность. Поэтому вы не можете сделать его ответственным за что-либо. Ответственность появляется, когда есть кто-то, кто может быть привлеченным к ответу.

– Разве создатель не в ответе за то, что создал? Или вы отрицаете акт божественного творения этого мира? По-моему, на этом и основаны все религии...

– Это один из наших основных догматов! Бог не просто творец, он и есть – весь мир! Всевышний не личность, он – чистая суть! Бог это бытие, качество бытия, качество существования. И если Бог это не личность, то нет вопроса о какой-либо ответственности. Если зло существует, то это просто очередной факт, и только. Ответственность подразумевает, что есть личность, которую можно заставить отвечать за содеянное. Маленький ребенок не может отвечать перед судом, потому что он еще не личность и поэтому не может нести

ответственность за то, что делает. Он невинен, в нем нет развитого разума, ощущения эго. Бог также не имеет эго – поэтому вы не можете делать его ответственным ни за какое существующее зло. А Церковь как представитель Всевышнего...

– Не несет ответственности даже за то зло, что творится именем Божьим – к этому вы меня подводите? – Элан был немного ошарашен столь примитивной демагогией из уст просвещенного иерарха.

– А вам нужен кто-то, кого мы можем призвать к ответу? Люди давно пытались переложить эту функцию на Господа. Человеческий ум очень изворотлив. Сначала мы приглашаем олицетворенного Бога, мы даем Всевышнему личность – и затем делаем его ответственным за то, что случается. Если вы обращаетесь к Вселенной, вы не пытаетесь заставить ее отвечать за то, что происходит с вами, однако если вы обращаетесь к Богу, тогда вы можете сделать его ответственным, хотя изменилось только слово. Существование имперсонально, безличностно. Но если Всевышний становится личностью, тогда вы можете спросить: «Почему существует зло?» Вся игра идет вокруг вас одного, Господь в ней не участвует.

– Странная религия... Не знаю, для чего она создана, и что вы в ней оправдываете. Может, слабость богов, которым поклоняетесь?

Глаза иерарха гневно блеснули. Он вскочил, хлопнул в ладоши – дверь тут же открылась, и свет факелов заиграл на оружии стражей. С трудом сдержавшись, Протолет сдержанно проговорил:

– Вам стоит быть сдержанней в оценке чужих богов. Особенно, если не хотите узнать их мощь на себе. Закончим на сегодня, вам нужно отдохнуть.

Элан съел безвкусную кашу, которую ему давали, ссылаясь на строгие запреты в отношении мяса, рыбы и других нормальных продуктов, и завалился спать. Последней мыслью перед тем, как провалиться в беспамятство, было: «Только правда может заставить так нервничать! Но если они действительно поклоняются Триединому, они, напротив, должны воспевать мощь...»

– Вставай! – плечистый монах в просторной рясе, прекрасно скрывающей его накачанные мышцы, бесцеремонно толкнул Элана в плечо, прервав его сон. – Пора поглядеть, что ты за воин.

– А кто вам сказал, что я воин? – Элан недовольно передернул плечами, но вслед за первым в келью вошло еще двое молодцов столь же внушительного вида, и Хранитель решил не нарываться. Отношения между ним и послушниками Триединого портились с каждым днем.

Арена была небольшой, но хорошо утоптанной. Было видно, что на ней много и подолгу тренировались. Свежий желтоватый песок, ровным слоем покрывающий землю, скорее всего, насыпался каждый раз перед очередной важной схваткой, чтобы скрыть от высокопоставленных зрителей засохшие пятна крови. Трибун не было, однако Элан чувствовал множество изучающих глаз, с жадным вниманием наблюдающих за ним сквозь аккуратно прорубленные щели в стенах – узкие и длинные, они наверняка давали прекрасный обзор, одновременно не позволяя бойцам на арене увидеть зрителей.

– Держи, это твое оружие! – плечистый монах бросил перед Эланом простую деревянную палку, окованную железом, и, гаденько усмехнувшись, крутанул в одной руке сверкающий двуручник, который он припас для себя. – Мне сказали, чтобы я тебя не калечил, но, знаешь, бой – дело такое... Ничего обещать не могу. Так что извини. Заранее.

Заржав, монах направился в свой угол, а Элан, закусив губу, поднял брошенную ему палку и попытался взвесить ее в руке. Выходило тяжело и неуклюже – те несколько раз, что он держал свой Меч, тот казался продолжением руки, а это... Хранитель вздохнул, продолжая изучать всученную ему деревяшку, когда услышал тонкий, чистый звон, зазвучавший сразу отовсюду. Недоумевая, он поднял голову и увидел несущегося на него монаха с высоко поднятым двуручником над головой.

Элан запаниковал. На земле он никогда не брал в руки оружия, а те несколько раз, когда он сражался Кристалльным Пеплом, его вел Меч, рассказывая ему о таинствах танцев смерти... Он неуклюже кинулся с арены, слепо размахивая перед собой боккеном – так, кажется, называлась игрушка, которую ему вручили, – но тут огромной силы удар развернул его, едва не заставив упасть на песок, и Хранитель увидел перед собой ухмыляющуюся рожу охранника.

– Дерись! Иначе... – Он выразительно провел рукой по горлу и подтолкнул Элана в сторону ристалища.

Огромный меч легко описывал восьмерки и более сложные фигуры, постепенно превращаясь в огромную, слегка размытую ленту, больше всего похожую на сытую змею, забавляющуюся с очередной жертвой. Стальные кольца то сжимались, то расходились, нещадно болели руки, сотрясаемые в неумелых попытках парировать мощные удары двуручника. Его жалкий боккен мечник легко мог бы перерубить одним ударом, но по какой-то непонятной причине не делал этого, умудряясь просто снять стальную стружку плоской стороной огромного меча.

В какой-то миг Элан почувствовал, что больше не может. Голова стала пустой и звонкой, словно разум, изнемогший в отчаянных попытках найти выход, сдался и отошел в сторону. Руки сами, на каких-то непонятных рефлексах повели боккен в сторону – смешно и нелепо, будто подставляясь под удар – но монах споткнулся на середине тщательно продуманной связки, четырехнулся и с досадой уставился на противника.

Парнишка попался тщедушный, такого можно перешибить одним пальцем. Сколько таких он повидал, с горящими глазами и крестьянскими железками бросающихся прямо под его меч... Опыта никакого, сил и ловкости – тоже. В глазах – решимость отчаяния и дерзость юности, что заставляет сопротивляться до последнего вздоха, но мало чем может помочь в реальной схватке. Обычно он с такими не церемонился, разрубая первым же ударом, однако тут был особый случай – велено было не убивать, но сломать, заставить ползать на коленях, вымаливая пощаду. Бывало и такое – ползали, как же. И не на коленях, а на обрубках ног, пуская кровавые пузыри и жалобно уставившись пустыми глазницами... Всякое бывало. И этот никуда не денется. Не было еще таких юнцов, которые могли бы сопротивляться замыслам Церкви и опытного воителя. Вот только мальчишка об этом, похоже, не знал. Раз за разом он поднимался, держа обеими руками неуклюжую, смешную палку, и упрямо шел на мечника, вызывая в нем уважение... Подобное испытывает волкодав перед тем как прихлопнуть бесстрашно бросающегося на него котенка.

«Ладно, пора кончать, – решил монах. – Сейчас подсеку ноги, пусть почувствует, как немеет тело, как кровь заливает чистый песок арены. На обратном ходе сниму с лица клочок кожи побольше – и завоюет щечок, никуда не денется».

Монах шагнул поближе, просчитывая комбинации, но тут парнишка поднял голову – глаза его были пустыми и в них, еще недавно темных, плескалось фиолетовое пламя. Тщательно продуманный удар пропал втуне – нелепая палка, выставленная под совершенно неправильным, глупым углом, умудрилась не только сорвать тщательно отлаженные, заслуживающие восхищения финальные задумки поединка, но и расцарапала ногу – смешно, нелепо и как нельзя некстати.

Воин рассвирепел и кинулся вперед, вращая двуручником. Нельзя убивать? Ладно, не будем. Покалечим слегка, пусть поймет, что значит вставать на пути у мастера своего дела и портить его план блеснуть умением перед высшим духовенством – а именно оно сейчас наблюдало за происходящим. Тем не менее странный юнец ничего понимать не желал. Он все так же падал, уворачивался, совершал глупые, смешные движения, и отработанные, верные, никогда не подводившие приемы пропадали даром, а окованная дрянным железом палка раз за разом чувствительно тыкалась в ребра, разрывая одежду, кожу, заставляя почувствовать боль.

Монах разъярился. Никто не смеет нелепыми вывертами позорить искусство боя! Да еще как! Шатается, падает, словно пьяный... Не бой, а насмешка над его мастерством! Он начал работать уже на поражение, не думая о последствиях. Накажут? Плевать! Слишком ценен опытный мечник, чтобы бояться за свою жизнь – а остальное стерпим! Но этого нахала поставим на место.

Элан недоумевал. Разум его бастовал в попытках найти смысл в происходящем, но благоразумно не вмешивался, сознание словно парило в стороне от тела, отрешенно наблюдая за происходящим – а странный, нелепый танец продолжался. Веселый и опасный хмель туманил голову, руки вдруг стали легкими, почти невесомыми, ноги наоборот погрузнели, заставляя спотыкаться и качаться из стороны в сторону, а то и вовсе падать навзничь, что неминуемо должно, просто обязано было по всем законам логики привести к поражению. Это было ясно написано на растерянном и одновременно озверевшем лице противника Элана. Его меч, еще недавно такой легкий и верткий, падал тяжело и сильно, как топор палача – щадить его, похоже, уже никто не собирался – но при этом он ничего не мог сделать! Непонятно почему у опытного и сильного воина не получалось справиться с неуклюжим юнцом, шатающимся, как пьяный. Элан с удивлением наблюдал, как его руки взмахнули бокенон, будто бы пытаясь что-то показать невидимым зрителям, и совершенно случайно на его пути оказался меч противника. Взвизгнув, монах в очередной раз отлетел куда-

то в сторону, а неуклюжая, вся в зазубринах палка прошлась по лицу, раздирая кожу и заливая его кровью. Монах взревел раненым быком и кинулся вперед, высоко подняв двуручник над головой. Хранитель отбросил бокен в сторону, пытаясь убежать, однако руки опять подвели его, и он полетел вперед, прямо под ноги расвирепевшему воину. Монах споткнулся – проклятая деревяшка шарахнула ему по ногам – и упал лицом вниз... Элан попытался поддержать противника, шагнул вперед – но опять сделал это, словно пьяный. Меч противника зарылся в песок за его головой, а его собственные руки, вместо того чтобы смягчить удар, неловко повернули голову монаха – раздался негромкий хруст, и тот затих уже навсегда.

Тишина, воцарившаяся на площадке, будто звенела. Тело медленно отходило от напряжения. Землянин встал, не отводя взгляда от распростертого тела, и вдруг заметил стрелы. Сотни стрел были направлены на него из-за каждого выступа, из каждой бойницы, и тетивы на луках были натянуты до дрожи в побелевших пальцах. За ними виднелись белые, испуганные лица с расширенными глазами, будто ожидающие, что он сейчас превратится в чудовище и начнет пожирать поверженного противника.

– Спокойнее, чада. Все видели – это просто нелепая случайность. Вы ведь не хотели его убивать?

Иерарх дождался неуверенного кивка Элана и, удовлетворенно кивнув, продолжил:

– Вам следует отдохнуть и подкрепить свои силы. До завтра.

Глава 6

– Великая! Помоги! – Ракх-инти распростерся перед Греей, прервав ее возвышенные думы.

Так раконцы деликатно называли любимое времяпровождение всех драконов – покемарить на горячем камне после сытного обеда, наблюдая удивительные грезы, проносящиеся перед глазами воспоминания о прошлом и смутные образы

будущего. В принципе, каждый дракон мог, сосредоточившись, увидеть и более ясные картины грядущего, но большинство драконов этого боялось, считая, что таким образом они не столько предугадывают, сколько формируют свое «завтра», лишая себя внутренней свободы. И не было для гордого племени дракона большего проклятия, чем добровольное рабство – даже если это всего лишь зависимость от собственного предсказания.

– Встань, жрец. Чем я могу помочь приютившему меня народу Вар-Раконо, отплатив за проявленное гостеприимство и скрашивание долгого ожидания?

– Что ты, Великая! Ты нам ничем не обязана, для нас честь принять земную мощь Триединого, и лишь тяжкие страдания нашего народа заставили обратиться к тебе в этот горький час...

– Вряд ли я могу помочь целому народу. Сейчас мои возможности – это просто сила обычного дракона, не более того.

Грея встревожилась. Лицо жреца было непроницаемо, но, похоже, он уже отвел ей место в каких-то своих планах, пытаясь втянуть во внутренние интриги.

– Не обычного дракона, Великая. Как минимум – очень мудрого. Кто знает, может, это именно то, чего не хватает нашему народу... Но чего не хватает вам, уважаемая, это покоя и возможности спокойно дождаться своего Хранителя. В нашей стране разгорается гражданская война, и нам нужна ваша помощь.

Грея потянулась и зевнула как можно шире, выпустив клуб дыма сквозь ноздри. Даже в человеческом обличье это произвело впечатление. Ракх-инти побледнел и отступил на шаг.

– Революция? Это может оказаться забавным. Возможно, я и понаблюдаю за ней. Вы за или против?

Жрец глубоко поклонился, между тем в его до этого ровном голосе зазвучали вкрадчивые нотки:

– Если вы, Великая, хотите остаться в стороне – это ваше право, и никто не смеет его оспаривать. Но, похоже, Хранитель уже на подходе. И каковы его шансы

выжить в стране, где все воюют друг с другом, у всех оружие, и для каждого человек – кровный враг?

Глаза Греи вспыхнули фиолетовым огнем. Тело затряслось, сразу увеличиваясь в размерах и обрастая чешуей; огромный хвост бил по скалам, превращая камни в песок и пыль; струя пламени опалила землю, заставив раконцев, предусмотрительно попрятавшихся по щелям, взвять в голос – как и все рептилии, они были чувствительны к высокой температуре.

Лишь через час после того, как дракон успокоился и превратился в очаровательную девушку, Ракх-инти выполз из небольшой трещины в скале, весь в земле и пыли, и на коленях приблизился к Грее.

– Прости меня, Великая, можешь сорвать злобу на мне...

Та задумалась, заставив раконца стать на несколько оттенков светлее.

– Твоя смерть в данном случае ничего не изменит, а значит, нет смысла напрягаться. Лучше встань и расскажи все подробно.

Драконесса поудобней устроилась на камне и приготовилась слушать...

– Итак, мы остановились на том, что Бог – есть все вокруг нас. Вселенная – его тело, звезды – его глаза, туманности – его дыхание. Он есть во всем, он есть все. Он Бесконечен! – Религиозный огонь вспыхнул в глазах иерарха.

Он привстал, собираясь упасть на колени, но вовремя остановился – не пристало столпам Церкви падать ниц перед кем бы то ни было... И продолжил уже спокойней:

– Всевышний – бесконечность, вмещающая в себя равно легко любые наши действия: ведь вы наверняка знаете, что у бесконечности есть и положительная, и отрицательная составляющая. И поэтому вы не можете сделать его ответственным за зло, творящееся вокруг! – И иерарх с торжеством фанатика откинулся на спинку стула, с усмешкой поглядывая на Элана, растерянного от такого напора.

– Позвольте, но если я правильно понял... Из вашего вывода следует, что Бог есть вселенная, природа, безразличная к человеку... Зачем же тогда ваши храмы и богослужения?

Иерарх усмехнулся.

– Не будьте наивным... Это нужно для черни, и потом – есть еще вы. Само существование Троица, как символа божества, сошедшего на Землю, позволяет говорить о локальных проявлениях Бога и персонализации его как личности. Это дает интересные возможности для диалога между Богом и Церковью.

– Даже так? Именно Церковью – с большой буквы? – Хранитель с иронией смотрел на священника. – Не много ли чести? Вы хоть сами замечаете, что играете словами? А насчет того, что я в пути – это точно. Тот, кто уверен, что знает все – не знает ничего.

– Вы не правы... Религия ведет к одному – к ИСТИНЕ. Это в науке играют словами, а в религиозности все по-другому – то, что было вчера, уже никогда не повторится! Наука – это просто ЭКСПЕРИМЕНТ, но лучше вот так: наука исключает самих ученых. Она спрашивает обо всем, кроме самих спрашивающих. Религия вопрошает о вопрошающих. Поле деятельности религии – это та область, которую наука постоянно отрицает: узнать познающего, увидеть смотрящего, почувствовать чувствующего, осознать сознание. Определенно это гораздо более великое приключение, чем любая наука, потому что это происходит внутри самого ученого. Ученый может отправиться к истокам, может найти самую отдаленную границу объективной реальности, но останется абсолютно несведущим относительно самого себя. Поэтому ученые не только бесполезны – они вредны!

– Физика поля не является вещью, но существует – и ученые с ней работают! И именно они найдут Бога! Просто потому, что не говорят, а делают, не жонглируют словами, а ИЩУТ! Это гораздо сложнее, но – правильней! Впрочем, я понял, что дискуссия невозможна – ваше сознание зашорено, вы просто не допустите другой точки зрения.

– Какой вы еще ребенок! Именно тот, кто верит, не задумываясь, – знает все! Глупец норовит сделать добро и забывает о людях. Мудрый бездействует.

Глупый делает тысячу дел, и дела его нарочиты. И оттого у глупца все именно так: утрачена добродетель – выпячивается справедливость. Утрачена справедливость – вырастает закон. Закон есть угасание преданности и веры и начало смуты. Как цветок отвлекает от плода, так познание уводит от истины. Благоговение перед цветком – признак невежества. Мудрый ищет плод, не соблазняясь веером соцветий. Как цветок отвлекает от плода, так познание уводит от истины. И будешь ты как цветок, у которого Церковь оборвет листья, дабы превратилась его жизнь в горький, но необходимый плод завершения!

Иерарх трижды хлопнул в ладоши, с сожалением смотря на Элана. Дверь бесшумно распахнулась, и в проеме возникли трое плечистых монахов с веревками в руках.

– Похоже, логические аргументы кончились, в ход пошли более сильные, – мрачно сказал себе Элан, оглядывая карцер.

Темная келья размером не больше чем метр на два, но, в отличие от того, что рисовало воображение, довольно сухая, к тому же есть деревянные нары. Однако не успел Хранитель порадоваться этому обстоятельству, как его грубо бросили на пол и принялись плотно упаковывать в гигантский кусок брезента, наматывая его как можно туже. Специальные застежки защелкнулись вдоль всего полотна, оставляя его ровным и не позволяя пережаться.

– Человеческая плоть слаба, но именно она заставляет нас гордо поднимать голову и бросать вызов тем, кто неизмеримо сильнее и могущественней. Поднимите и положите его на скамью – мы же не хотим, чтобы наш будущий соратник простудился?

Грубые руки небрежно подхватили спеленатого как младенец землянина и небрежно бросили на нары. Тот больно стукнулся затылком о стену и прикусил губу, чтобы не взвыть от негодования и бешенства. А тихий, еле слышимый голосок продолжал вещать:

– Это так называемый кокон лишения тела. Несмотря на твои попытки напрячь мышцы на руках и ногах, завернут ты очень надежно. Мои помощники – мастера своего дела. Сейчас ты не можешь пошевелить даже пальцем. Правда, лицо заматывать не велено, но это слабое утешение – после того, как закроется

дверь, даже лучик света не проникнет сквозь каменную толщу. И, кстати: после часа нахождения в коконе все тело немеет, и ты перестанешь его ощущать, через сутки мышцы начнут медленно погибать от недостатка кислорода, а еще через неделю у тебя начнется гангрена рук и ног. Даже я не знаю, когда тебя отсюда выпустят. Наверное, тогда, когда ты решишь идти по пути, милосердно указанному тебе святой матерью-церковью. До встречи! Или прощай, не знаю...

Дверь закрылась, и наступила темнота.

Кап. Кап. Где-то за стеной, на пределе слышимости звучал перестук капель. Элан облизнул пересохшие губы. А он еще радовался, что его поместили в сухую камеру! Руки и ноги он перестал чувствовать почти сразу. Они будто растворились в тесноте черных тисков. Потом пришло отчаяние – и удушье. Легкие не могли растянуть толстый брезент, и человек заметался в ужасе, пытаясь вдохнуть побольше воздуха.

Но скоро сил на отчаяние не осталось. Тюремщики хорошо знали свое дело – воздуха в сжатые легкие попадало ровно столько, чтобы не умереть от удушья. Хранитель сам не заметил, как приспособился дышать ровно и неглубоко, как во сне, аккуратно расходуя каждую молекулу кислорода, попадающую в его тело. Он даже стал приравниваться к странному состоянию покоя, в котором оказался – и все же на смену удушью пришла жажда. Вначале слабая и еле заметная, она постепенно набирала силу. Элан с содроганием наблюдал, как растет это столь простое, сколь и невозможное сейчас желание. В тщетной попытке освободиться он вновь заметался на топчане, пытаясь сделать хоть что-то, но добился лишь нового приступа удушья.

Землянин притих, ожидая, когда легкие вновь заработают в том особом режиме грез наяву, когда дыхание станет едва различимым, будто ветерок от крыльев порхающей бабочки – и не заметил, как сознание его стало совершенно чистым, словно кто-то провел по нему тряпкой, сметая неуклюжие и неловкие мысли, мешающие внутреннему состоянию покоя и какой-то странной, неземной белизны. Сразу куда-то исчезли все страхи и волнения, тело успокоилось и работало от силы в одну десятую своего обычного режима. Удары сердца стали медленней... Еще медленней... Приходилось ждать, дожидаясь очередного удара: тук... тишина... Кажется, прошла целая вечность, полная пустоты. Тишина, не нарушаемая уже ничем... Тук... Потом биение сердца стало глуше, и приходилось напрягать слух, чтобы уловить его и до этого негромкие удары. Элан внезапно обнаружил, что висит над топчаном, с трепетом всматриваясь в

собственное тело... Внезапно нахлынул страх – и тело под ним забилося, ринулось вперед, и Хранитель вновь ощутил давление старого брезента. Он заставил себя успокоиться и принялся рассуждать. Смерть в его положении – мелкая ошибка, не более того. А вот возможность управлять своим сознанием независимо от тела – это стоило использовать. Землянин вновь, теперь уже сознательно принялся выравнивать дыхание, пытаюсь замедлить удары сердца. Это удалось не сразу – мысли и предположения, теснившиеся в голове, мешали, сбивали с нужного ритма. Но когда разум, изнемогший от непосильной задачи, расслабился, уступив рефлексам; когда пришло то состояние грезы наяву, тот странный и непонятный миг между явью и сном, растянутый не на мгновения – на века, Элан почувствовал, как медленно отделяется от тела и поднимается над топчаном.

Все вокруг стало иным, ярким и грезоподобным; стены внезапно истончились, за ними были видны иные помещения и другие люди; странный серый налет лег на глаза, словно землянин смотрел сквозь дым – или воду.

Хранитель испугался, что, улетев, не сможет вернуться – и тонкий шнур мысли тут же отделился от него и, вытянувшись в сторону неподвижного тела, плотно обмотался вокруг. Элан расслабился и принялся подниматься вверх, с некоторым трудом просачиваясь сквозь толщу камня.

В нескольких этажах над ним были камеры – тут сидели и лежали совершенно изможденные люди. И не только люди. Ему попало совершенно фантастическое существо, похожее на помесь человека и ящерицы – тонкое, гибкое, с кожей изумрудного цвета, местами покрытой чешуйками. Впрочем, и человекоящер тоже был узником – он, как и остальные, лежал, уставившись в стену, равнодушный ко всему, даже к собственной участи.

Потом пошли кладовые – загроможденные сундуками, полками, заваленные самыми разнообразными вещами – одеждой, отрезками тканей, непонятными инструментами, оружием. Дальше начались съестные припасы. Элан завистливо посмотрел на молодого монаха, который суетливо заскочил в кладовую, отхватил от ближайшего окорока плотный кусок и принялся его торопливо есть, чавкая и брызгая слюной. Мысленный поводок тут же натянулся, сообщая о беспокойстве оставленного тела, и Элан ускорил подъем, неожиданно оказавшись в центральном нефе здания, предназначенном для молитв.

Час был неурочный, и там почти никого не было – лишь несколько коленопреклоненных человек стояли перед сложным знаком Триединого, начертанным на главной стене храма, и молились, отбивая поклоны. Элан уже совсем собрался лететь дальше, когда присмотрелся – и ахнул. От каждого молящегося уходила тонкая нить энергии – словно кто-то вытягивал часть души из людей, открытых для общения с божеством.

Постепенно истончаясь, крохотные ручейки энергии уходили куда-то вверх и в сторону, скрываясь в верхних этажах здания, или даже исчезали вдалеке. Помедлив, Хранитель отправился вдоль серебристых струй энергии – крохотных, почти невидимых зрением даже бесплотного духа, но, тем не менее, вполне реальных.

Просочившись еще сквозь несколько стен, землянин внезапно оказался в личном кабинете верховного иерарха. Все стены его были покрыты золотыми украшениями, повторяющими тот же символ Триединого, и инкрустированными драгоценными камнями. Стол из красного дерева, покрытый тончайшей резьбой, был завален бумагами, долженствующими показывать высокую занятость хозяина кабинета. Впрочем, судя по слою пыли, к некоторым из них не притрагивались годами. Однако сейчас верховный иерарх был на месте, донельзя сосредоточенный, и что-то вполголоса обсуждал с двумя монахами, в одном из которых Элан не без содрогания узнал монаха, руководившего его палачами, а в другом – проповедника, читавшего ему проповеди.

– Последнее время его кормили сытно, но не перекармливали, давая пищу легкую – фрукты, злаки, лишь иногда мясо. Это возбуждает чувствительность и остроту ума, так что сейчас ему не удастся осоловеть и забыться. С другой стороны, даже самый выносливый человек в таких условиях рано или поздно теряет чувство времени, и дальнейшее пребывание его в коконе уже не воспринимается им как наказание.

– Если развязать его раньше времени, уважаемый Протолет, наша цель не будет достигнута! Этот еретик довольно упорен, мы это наблюдали во время вчерашней схватки. Он должен в полной мере ощутить ужас от пребывания в темноте и тесноте, испытать тысячи страхов в ожидании смерти от удушья, голода или жажды, терзаясь муками неизвестности... Иначе его не сломать! Если его развязать и накормить, все придется начинать сначала. Более того, решив, что мы не хотим его смерти, он воспрянет духом, и дальнейшее пребывание его в коконе перестанет быть эффективным! Тут очень важно

уловить момент, когда он сломается, не потеряв при этом повышенной чувствительности! Я говорил вам, что в камере нужно держать наблюдателя, следящего за состоянием подопечного, а вы: спугнем, насторожим...

- Так.

Верховный иерарх с трудом встал, опираясь на богато изукрашенный посох, в вершину которого был вставлен огромный алмаз, горящий в лучах солнца ослепительным светом. И Элан увидел, что тот совершенно сед и даже благообразен - у него был вид мирного, мягкого старичка, доброго и всепрощающего. Впечатление портил лишь острый взгляд неожиданно темных, со злым прищуром глаз.

- Так. Хранителя нужно сломать во что бы то ни стало. Во-первых, силы в нем много, а как она нам нужна - сами знаете.

Дождавшись утвердительных кивков с другой стороны стола, он продолжил, роняя тяжелые слова:

- Если не получится сломать - жить он не должен. Это вообще большая удача, что он, еще не инициировавшись, попал к нам в руки. Промедли мы пару недель - и весь наш труд за несколько тысяч лет пошел бы прахом. Рано еще Кавншугу меряться силами с инициированным Хранителем...

Элан, поняв, что речь идет о нем, подлетел поближе и задел одну из нитей энергии, пронзающих комнату.

- Чужак!

Низкий, словно потусторонний голос заполнил комнату, заставив елейного монаха забиться под стол, а остальных судорожно оглядываться по сторонам, вжимая головы в плечи. Внезапно глаза верховного иерарха торжествующе вспыхнули - он увидел Хранителя! Из камня на вершине посоха вырвался слепящий луч - и Элан, потеряв контроль, полетел вниз, во тьму....

Солнце неторопливо клонилось к закату, окрашивая темные громады камней побережья в золотистые оттенки. Даже легкий ветерок не разметал песчинки между валунами, не потревожил водную гладь. Камни неторопливо впитывали лучи заходящего светила, готовясь к прохладе ночи. На скалах, неподвижные, словно изваяния, два существа ловили последние лучи солнца: маленькая, почти миниатюрная девушка и крупный, мощный ящерочеловек, склонившийся перед ней в почтительном поклоне. Оба были неподвижны, сродни камню этого мира. Людям не дано узнать полноты жизни таких моментов, когда тело замирает, а сознание уносится далеко, заставляя забыть о его существовании, и оставляет дух наедине с мыслью. Это дано только рептилиям.

Ящер продолжал свой рассказ:

– Все началось с вопроса об устричных отмелях. Наш народ может годами питаться чем угодно, но устрицы, пожалуй, единственный вид пищи, стимулирующий правильное развитие молодых раконцев и дающий силу пожилым. В нем есть все, что необходимо и взрослой особи – это и комплекс витаминов, и лекарство. Неудивительно, что весь народ Вар-Раконо тщательно и трепетно возделывал устричные отмели, видя в этом залог здоровья нации. Во все времена правители нашей земли следили за устрицами – особенно за их равномерным распределением. Возможно, при этом кому-то доставалось больше, кому-то меньше, кому-то приносили домой и с поклоном, а кто-то выстаивал очередь за своей порцией – однако раконцы ели эту простую, но столь необходимую нам пищу.

Так продолжалось до тех пор, пока клан Пожирающих рыбу не заявил, что это несправедливо. Что устрицы не должны быть достоянием нации, потому что среди правящего клана всегда есть те, кто захочет урвать себе большую долю, и что отмели должны быть поделены между кланами, а внутри кланов – между семьями, чтобы каждый раконец имел часть побережья в своей собственности, и, следовательно, сам стал хозяином своей доли необходимой пищи.

Находящийся в то время у власти клан был не лучшим представителем народа Вар-Раконо. Пользуясь тем, что быт раконцев уже налажен и никаких сложных вопросов не возникает, они ничего не делали, сибаритствуя и поглощая излишек устриц. Недовольство народа росло, и клан Пожирающих рыбу ловко воспользовался этим. Под торжественные песни народа предыдущих правителей отправили в отставку, и новый клан начал управлять Змеиным архипелагом. Кстати говоря, они частично выполнили свое обещание. Каждый

город, каждая деревня, а потом и каждый гражданин получил бумагу, согласно которой вступал во владение участком устричной отмели. По этой бумаге можно было всегда получить причитающуюся тебе долю устриц, оплатив «лишь стоимость добычи и доставки».

Но потом оказалось, что эти бумаги можно продавать! Но и без них стоимость устриц оставалась прежней – еще бы, их ведь выращивало море, и никаких других затрат у добытчиков не было. Вначале отдельные раконцы, а потом целые семьи и кланы начали продавать свои бумаги, уверенные, что это ничего не изменит. И весь этот поток сходил к клану Пожирающих рыбу!

Впрочем, тогда тоже никто не забил тревогу. Устриц вполне хватало – к тому же их стало больше. Правящий клан наладил торговлю со стархами, выменивая у народа моря глубоководных устриц на водоросли, попадающие на побережье. Стархи очень ценили эти водоросли, а вкус у глубоководных устриц был даже лучше, чем у прибрежных. И всех все устраивало, пока не начали рождаться больные дети.

Это было ужасно. Народ Вар-Раконо очень трепетно относился к своему потомству, внимательно следя за чистотой расы и уничтожая тех, кто был слишком слаб или уродлив. Но это! Целое поколение оказалось хилым и неразвитым, никто не знал, что нужно делать. Уничтожь их – и раконцы лишится будущего. К тому же вряд ли новое поколение будет сильнее – ведь их родители скоро состарятся и не смогут воспитать и поддержать их. В связи с этим отменили многие ограничения, в школах ввели дополнительный год, чтобы у подрастающих детей было лишнее время окрепнуть. Только все это оказалось полумерой. Тогда один из молодых биологов, Кар-Их из клана Метко стреляющих, заявил, что, согласно его исследованиям, морские устрицы не содержат веществ, необходимых подрастающим раконцам; более того, в них скапливаются вредные глубоководные примеси, которые жители моря специально добавляют в свои посевы, чтобы получить больший урожай.

Сделав небольшую паузу, Ракх-инти слабо улыбнулся.

– Конечно, это повредило всем нам. Но мы – это в основном уже сформировавшиеся особи, к тому же давние потомство. Но дети, наши дети! Мы стали возмущаться. Молодой ученый-биолог тут же исчез, а другие стали утверждать, что он не прав и морские устрицы не приносят такого уж вреда, хотя никто даже не пытался сказать, что они столь же хороши, как и

прибрежные.

Тут внезапно вспыхнула небольшая гражданская война. Один из кланов поднял мятеж, выдвигая непонятные и эгоистичные требования. Тем не менее для его усмирения не направили элитные части, которые быстро и беспощадно вырезали бы под корень всех восставших. К ним отправили небольшие и слабые отряды, с переменным успехом постреливающие друг в друга из укрытий. Это тянулось довольно долго – с раздутыми победами и утрированной скорбью по погибшим. Война одного дня растянулась на годы. Народ Вар-Раконо не сразу понял, что его просто отвлекают от истинных проблем. Когда раконцы, глядя на своих детей, принялись требовать у правящего клана здоровой пищи, его члены только посмеялись над возмущенными и предъявили бумаги, согласно которым практически все побережья принадлежат им. Впрочем, устрицы там уже и не живут. Все заливы, за небольшим исключением, засеяны водорослями – морской народ очень щедро платил за них, и клан Пожирающих рыбу купался в роскоши, не обращая внимания на страдания простых раконцев. Они заявили, что закон на их стороне и подтвердили это силой, призвав на помощь элитные войска.

Ракх-инти прикрыл глаза рукой и помолчал, пытаясь справиться с эмоциями.

– Те немногие, кто сохранил свои бумаги, их просто выбросили; им предъявили побережье вроде этого, – он обвел рукой вокруг. – Песок и скалы, скалы и песок. Вдобавок для устрашения народа правящий клан завел гигантскую рептилию, которой публично приносят в жертву непокорных преступников – а по сути, просто недовольных существующим положением. Те, у кого есть деньги на здоровую пищу, были вынуждены переехать в богатые районы – слишком многие с завистью, а то и с ненавистью стали поглядывать на их здоровых детей. А там... Ныне в спецшколах учат иначе, чем в обычных. Вместе с более глубокими и полными знаниями им прививают совершенно другое мышление. О том, что раконцы – существа разные, и если одни – соль земли, то все остальные – прах и грязь, пыль под их ногами...

Грея вскочила и топнула ногой, в горячке не заметив, как раскололся валун.

– Я знаю, что это такое. В мире Хранителя этому даже придумали название – фашизм. Только там преследовали и уничтожали другие расы, а вы – свою собственную. До чего же это мерзко... Словно змея, кусающая собственный хвост. Впрочем, у вас это только зарождается, и все можно попробовать остановить. Что вы решили?

Ракх-инти спрятал глаза.

– Великая, нас воспитывали в уважении к собственным законам. Лишь немногие из нас постепенно приходят к мысли, что если закон направлен не на благо народа, а ему во вред – это неправильный закон, и тот, кто его принял – уже преступник, которого нужно уничтожать без сожаления. Просто нас слишком мало, и мы слишком слабы – не будь тебя, вряд ли мы решились бы на что-то серьезное...

Грея глубоко вздохнула и посмотрела на заходящее солнце. Огненный диск уже почти касался поверхности моря, и жрецу на миг показалось, что он слышит шипение раскаленной воды, испаряющейся под взглядом яростного светила. Или это драконесса разговаривала сама с собой? Он торопливо посмотрел на собеседницу и оторопел: заходящее солнце облило гибкую человеческую фигуру красным цветом, казалось, она вся в крови. Потоки крови заливали землю, камни и исчезали в море, которое флегматично облизывало скалы. Наконец Грея перевела взгляд на Ракх-инти; ее зрачки, превратившиеся в две вертикальные полоски, медленно расширились и вновь обрели сходство с глазами обычной девушки.

– Хорошо. Будем решать вопросы по мере их поступления. Первое – крокодил, или кому там у вас приносят жертвы? Потом – мятежники на юге страны. А затем вплотную займемся правящим кланом и разведением устриц. Но для начала мне нужно оружие.

Девушка вытянула вперед руку – та на глазах обросла чешуей, превращаясь в лапу дракона. Груды мышц громоздились под кожей, свиваясь в причудливые узлы и заставляя топорщиться чешуйки. Последними вылезли когти – огромные, желтые, способные пробить все на свете – и камень, и металл, и собственную чешую. Драконесса усмехнулась и, обрезав один коготь, принялась трансформировать руку обратно, сжимая обрезок в руке. Когда она закончила, в ладони у нее остался небольшой бритвенно-острый волнистый клинок со странными разводами по краям и рукоятью в виде головы дракона.

Подмигнув изумленному раконцу, Грея улыбнулась:

– Когда-то так создавалось оружие, способное перевернуть мир. Пошли искать твоего крокодила.

Дверь камеры с лязгом распахнулась, и несколько фигур в просторных монашеских одеяниях мигом заполнили собой крохотную каморку. Элана тут же сбросили на пол и принялись остервенело пинать, даже не сняв брезента, который неплохо смягчал удары, да и тело, лишенное чувствительности, равнодушно воспринимало тычки и ушибы. Только раз, когда чей-то сапог чувствительно проехался по лицу, Хранитель застонал – грубая подошва, как терка, ободрала щеку.

– Хорошо! Стонет – значит, жив. Берем его.

Монахи суетливо подхватили брезент и, вполголоса переговариваясь, понесли его вниз, к допросным комнатам.

– Разматывайте, – еще не видя говорящего, Элан узнал голос: верховный иерарх решил лично посмотреть на важного узника.

Потом в поле зрения Хранителя показалась седая благообразная голова, и он окончательно уверился, что все происходящее с ним в коконе – не сон, а странная, причудливая реальность или магия...

– Значит, молодой человек, вы любите подслушивать? Похоже, у вас неплохие задатки, и вы еще можете быть полезны Церкви. Нам нужны легкие люди. Конечно, вы уже услышали достаточно и понимаете, что с дармовой силой придется расстаться – она вообще предназначена не людям, а существам по-настоящему высшим...

Иерарх помолчал, наблюдая за реакцией Хранителя, которого как раз начали растирать, восстанавливая кровообращение, и острые приступы боли в онемевших мышцах пленного помешали иерарху продолжить беседу.

– Разомните его хорошенько, он нужен мне живым и здоровым, затем положите его у стеночки на матрац и оставьте нас.

Иерарх отошел от брезента и присел за небольшой столик, сервированный, видимо, специально для посещения высокопоставленного лица – изящный, на гнутых ножках, заставленный всевозможной снедью и запыленными бутылками с

вином, он смотрелся совершенно неуместно в камере пыток.

Взяв бокал, старичок со вкусом отхлебнул густое, красное вино, пронизательным взглядом наблюдая за мучениями Элана.

Дождавшись окончания процедуры, он подсел поближе к Хранителю, обессиленно лежавшему у стены, и махнул рукой сопровождающим – те послушно вышли. В камере остались лишь две темные личности, но и они отошли в самый дальний угол, чтобы не мешать беседе.

Наконец иерарх заговорил:

– Пока вы приходите в себя, позвольте представиться: глава Церкви Троединого, суть воплощения творца, верховный священнослужитель Кради`о`Лост. Можете называть меня по имени, можете просто – «отец мой».

– У меня уже был один отец. Другого мне не нужно. – Элан угрюмо смотрел на старичка.

Тот прикрыл глаза, и вид у него был бы точно, как у Деда мороза, если бы, конечно, он улыбался. Только улыбки на лице верховного иерарха Хранитель не заметил.

– Что ж, дело ваше. Тогда давайте попробуем определиться с вашей дальнейшей судьбой.

Кради`о`Лост многозначительно помолчал, давая собеседнику время осознать всю важность вопроса, и продолжил:

– Посмотрите внимательно на это помещение. Здесь нам иногда приходится, смиряя внутренний ужас и стыд, заниматься воспитанием упрямых еретиков, не желающих сотрудничать с матерью-церковью. И это занятие благое и праведное, ибо мы, калеча тело, чистим души людские. Умершему в муках прощается половина грехов, раскаявшемуся – прощаются все...

Элан внимательно оглядел зал. Вокруг было полно оков и сложных металлических приспособлений, в полу были прорублены специальные канавки

для стока крови, и, судя по многочисленным бурым пятнам на полу и стенах, все это регулярно использовалось. Инструменты же, тщательно вычищенные и аккуратно разложенные, явно ждали профессионала. Да и камин, вделанный в стену, разожгли не для разогрева помещения – в нем каились неприятного вида штыри, крючья и другие, более сложные приспособления.

– А что прощается невинно замученному?

Иерарх довольно кивнул: похоже, узник проникся и утратился.

– Невинно замученные навсегда оставляют этот мир и приобщаются к Творцу, ибо навечно остаются праведниками. И сказано в священных книгах: «Лучше замучить десять невинных, чем упустить одного злодея, ибо невинный мученик – это святой праведник, а упущенный злодей – это рука зла, запущенная в наш мир».

Элан прищурился:

– А вы, отче? Не желаете стать святым? Вот и палачи у стенок без дела мучаются...

Он кивнул в сторону темных личностей, правильно истолковав причину их пребывания в пыточном зале. Те насторожились, привстали, но, повинувшись знаку иерарха, вновь опустились на землю.

– Вы дерзки, юноша. Возможно, они еще и потребуются в нашем дальнейшем разговоре. Вам самому придется принять решение, определяющее дальнейшую судьбу. А пока – подкрепитесь и посмотрите заодно, чего вы лишаетесь... – Иерарх указал в сторону сервированного стола, ухмыляясь в седые усы.

Элан, держась за стенку, встал. Усилия монахов, разминавших мышцы, не пропали даром; тело со скрипом, но слушалось. Кое-как подойдя к столику, он с трудом уселся на ажурный стул и, заставляя себя не спешить, нашел среди явств графин с водой, налил полный бокал, аккуратно, стараясь не разлить не капли, выпил. Подумал. Налил еще. Вновь выпил и потом уже повернулся в сторону иерарха, наблюдавшего за ним с непроницаемым видом:

– Узника нужно кормить сытно, но не перекармливать, давать пищу легкую – фрукты, злаки, лишь иногда мясо. Это возбуждает чувствительность и остроту ума, не позволяя забыться во время пыток. Так, кажется, было сказано полчаса назад в вашем кабинете?

– Значит, вы не только смогли выйти из своего тела, но и сохранили память. Неплохо для начинающего мага. Да и вообще для мага. У нас на это способны единицы. Вы подаете надежды, молодой человек, и будет очень обидно, если такие способности пропадут зря. А насчет еды – подумайте об этом по-другому: это силы, столь необходимые вашему организму, чтобы выжить и вновь начать нормально функционировать. К тому же, если мы сможем плодотворно поговорить, то пытки и не понадобятся. Так что ешьте, ешьте...

Элан и сам не заметил, как вновь очутился за столом и рот его оказался набит едой. «Все-таки двухдневное голодание плохо сочетается со здравым смыслом», – мрачно думал он, наблюдая за быстро исчезающей горой еды. Утолив первый голод, Хранитель повысил голос:

– Так о чем вы хотите поговорить? С учетом того, что я уже слышал?

– О многом, молодой человек, о многом. Вы не торопитесь, ешьте спокойно, а я порассуждаю пока... Когда-то много тысяч лет назад Творец миров, создавший и этот, и другие миры, бросил свои создания ради возможности дальнейшего творчества. Не вскидывайтесь, молодой человек. Я помню, что обычно говорят в школах: «Он оставил нас, чтобы не смущать своим могуществом и дабы мы могли, уподобляясь ему, следовать по божественному пути, и быть с ним». Но все же от перемены слов сущность не меняется, даже если вы думаете иначе; и значит, мы предоставлены сами себе, не имея никого, кто мог бы нас опекать и учить, вести по предназначенному нам пути. Мы слабы и невежественны – нам нужна родительская помощь.

– И вы взяли на себя подобную функцию? – Элан даже с набитым ртом не мог удержаться от сарказма.

– Что вы! Человеческая плоть слаба, и дух ее не слишком крепок. Искушения, болезни, лишения – старость, наконец – все это истощает, заставляя путаться мысли и забывать простые определения. С тех пор, как мои волосы поседели, я чувствую, что начинаю сдавать позиции. Конечно, я, как вы догадались, маг и

вполне могу рассчитывать еще лет на пятьдесят... Но пора уже задуматься о выборе ученика и возможного преемника.

Острый взгляд иерарха, как бросок ножа, метнулся к лицу Хранителя и разбился об ехидную ухмылку.

– Проклятая старость. Сочувствую.

Кради`о` Лост отвернулся, кипя негодованием. Впрочем, он довольно быстро взял себя в руки и продолжил:

– Ни один человек не в состоянии заменить Творца. Он для этого слишком слаб и жизнь его слишком коротка. Любая организация, сколь могущественной она бы ни была, также не может этого – просто потому, что она состоит из людей, имеющих свои слабости и интересы. Лишь Бог может заменить Бога.

Элан подавился непрожеванным куском. Закашлявшись, он посмотрел на иерарха. Тот явно не шутил. Глаза его горели яростным огнем, руки нервно сжимали изящный столовый ножик.

– И где вы возьмете другого Всевышнего? Насколько я знаю, вся божественная энергия ушла из этого мира – потому и был создан Предел, чтобы ограничить природное и сверхъестественное. И нет никакой возможности разрушить его.

– Да, да, конечно, вы правы, молодой человек, – Иерарх закивал головой, став еще больше похожим на добродушного дедушку, при этом глаза его смотрели тяжело, оценивающе. – Вы правы почти во всем, кроме одной крохотной малости: вы забыли о людях. Творец слишком любил людей и вложил в них частичку себя. В каждом человеке горит божественная искра Творца; именно она – прекрасный материал для будущего бога.

Элан вскочил, забыв о недоеденном куске.

– Значит, эти струи энергии... вот зачем вы обворовываете молящихся! Вы пытаетесь создать бога!

Иерарх поморщился.

– Обворовываете... Обман в таких делах не окупается. Люди искренне открывают себя божеству, и чья вина, что их жертва принимается? К тому же кто вам сказал, что мы пытаемся создать Господа? Мы его уже создали! И не вам, осколкам былого величия, тягаться с его мощью!

Кради`о` Лост подлетел к Хранителю, забыв о возрасте, и встал напротив, сжав изящный столовый нож словно грозное оружие, готовый умереть или убить во имя своих идеалов.

– Ах, если бы вас не было! Как было бы просто, если бы не появлялись в наших мирах эти дерзкие и наивные юноши, пышущие мощью и не желающие слушать старших! Век, другой – и людям бы подсказали, кто сотрясает землю, кто пускает молнии. Еще пару веков молений – и сущность Господа, пусть слабого, пусть в чем-то ограниченного, но вполне пригодного для целей Церкви, появляется на свет. Затем пару веков интенсивных пыток – нужно же новорожденному богу чем-то питаться – и уже пусть слабый, зато вполне самостоятельный Всевышний изучает свои новые владения. Как это просто и удобно! Но нет, вы появляетесь – и в мире сразу начинается бардак! Рушатся все устои, революция следует за революцией, боги умирают от невнимания и голода. А мы – мы бессильны что-либо сделать! Слишком многое вложили в вас создатели, слишком хитер Меч, слишком силен Дракон! И наступает хаос – церкви пустеют, люди начинают жить своим умом, забывая о тех, кто все эти века неустанной рукой вел их по жизни, подсказывая, оберегая...

– Люди не овцы, их не нужно вести... В каждом из них горит огонь Творца, и их высшее предназначение – идти своими ногами, думать своей головой! А ваши пути неизменно приводят на бойню!

Иерарх возмущенно заорал, брызгая слюной:

– Люди – это быдло, всегда готовое идти туда, куда прикажут! Так предопределено – у стада всегда должен быть пастырь! Предоставь их самим себе – и они погрязнут в грехе и пороке! Пьянство, наркотики, бандитизм и разврат!

Теперь уже не выдержал Элан.

– Кто вытягивает из их душ все самое светлое? Кто с детства отучает их мыслить, под чьим патронажем работают винно-водочные заводы, кто режиссирует теракты и сквозь пальцы смотрит на продажу наркотиков? Вы, пастыри! Для вас опасны думающие люди, вам нужно стадо – и вы превращаете людей в безвольных и покорных овец, готовых по звуку хлыста идти куда угодно – даже на бойню! Вы лишаете их души – а потом смеетесь над ними, довольные, что у вас все получилось!

Кради`о` Лост, весь багровый, сделал знак палачам – и жестокие удары сразу с двух сторон обрушились на Хранителя, заставив его согнуться и извергнуть на пол только что съеденное.

– Похоже, по-хорошему вы ничего понимать не хотите, – отдуваясь, выговорил иерарх, усаживаясь обратно в плетеное кресло. – Что ж, так или иначе, но пытки вытянут из вас всю силу, и Кавншуг получит свое. Вы его уже слышали, а скоро и увидите – это он заметил вас в моем кабинете. Почувствовав исходящую от вас энергию, он не сможет не прийти за столь обильно накрытый стол, как не смогли не прийти и вы.

Иерарх с усмешкой кивнул в сторону остатков пищи на ажурном столике.

– Можете кричать или молчать – мне это безразлично. Впрочем, если вы захотите добровольно расстаться со своими силами, а заодно передать Кавншугу энергию своего Меча – возможно, вы и останетесь в живых. Нам не помешает еще одна овца, как вы верно подметили. Только не тяните с этим решением – в нашем обществе жизнь калеки далеко не сахар...

Дикая боль пронзила все тело Хранителя, он дернулся, но ремни, которыми его споро привязали к стене, пока он приходил в себя после первого шока, держали крепко. Помещение наполнилось фигурами в темных балахонах, что-то бормочущими вполголоса.

– Кавншуг, приди и возьми... – с ужасом услышал Хранитель.

Переход от умиротворяющей беседы к пыткам был молниеносным и наверняка хорошо продуманным.

Новая боль, казалось, разрывала мозг на части. Элан скосил глаза – в его тело один из палачей медленно вдавливал раскаленный прут. Глаза его при этом остались совершенно бесстрастными. Другой уже спешил с белыми от жара клещами. Весь организм Хранителя свело в один тугий нерв, казалось, что от напряжения мышцы сейчас лопнут, как гнилые канаты... Клещи вгрызлись в тело, ломая ребра; новый спазм прокатился по каждой клетке, выворачивая чувства наизнанку и поворачивая жизненные процессы вспять; дикий гнев внезапно захлестнул Элана с головой, затмевая разум, фиолетовое, огненное пламя вспыхнуло в глазах... Он рванулся, не помня себя от боли – и вышел из собственного тела.

Все опять стало размытым, словно нереальным; боль сократилась до вполне терпимых размеров; фиолетовая дымка заполнила зал, удивительным образом успокаивая потрясенный разум и улучшая зрение – и Хранитель увидел...

Серый туман клочьями просачивался сквозь стену. Мутный и какой-то рваный, он был страшен и притягателен одновременно. Будто в нерешительности туман остановился у стены, сгустился – и Хранитель увидел...

Монахи перестали петь и попадали на колени; палачи бросили отливать водой бесчувственное тело пытаемого и распростерлись ниц; верховный иерарх почтительно склонил голову и посох с огромным камнем, а туман постепенно сгустился в серую косматую фигуру, высокую и нескладную, подпирающую собой потолок. Потом медленно, как бы нехотя, раскрылись огромные, круглые глазницы – и оттуда на потрясенных людей глянула белая, мутная пустота, рождающая странные образы...

– Кавншуг! Кавншуг! Слава!

Нестройный рокот пронесся по залу, и, словно ободренный этим, призрачный гигант «загустел», становясь ниже и плотнее, оглянулся по сторонам и увидел землянина, замороженно наблюдавшего за ним со стороны. С гулким рычанием он потянул руку, пытаясь достать лакомый Дух; шагнул раз, другой, вначале неуверенно, потом смелее.

– Ты мой! Пицца!

Волосатая рука, на ходу обрастая когтями, рванулась к Элану, и вновь волны боли искорежили Хранителя; но теперь страдало уже не тело, а дух.

Драконесса, пробираясь между скалами, внезапно остановилась, напугав спутников. Неожиданно она выгнулась дугой и упала прямо в протекающий рядом ручей. Фиолетовое пламя охватило тело молоденькой девушки. Судорога все длилась и длилась: руки обрастали чешуей, крошились камни, вода взбивалась в пену – и вот уже взрослый дракон бьется в горном ручье с невидимым противником, стирая в песок скалы и изрыгая огонь, от которого камень плавится, как мягкий воск.... Спутники, знающие вспыльчивый нрав драконессы, торопливо попрятались еще в самом начале странного приступа – это их и спасло. Теперь они со страхом наблюдали за происходящим из-за поворота дороги, полные ужаса и благоговения.

Кавншуг рвал на части эфирное тело Элана, торопливо пожирая куски. Хранитель пытался отбиваться от огромного создания, тем не менее оно легко справлялось с его слабыми попытками, не переставая торопливо жевать... Дикая боль парализовала усилия, заставляя сдаться и опустить руки. И тут – волна фиолетового гнева омыла тело человека. Он почувствовал себя гораздо больше – и сильнее. Огромные лапы, длинный хвост и крепкая чешуя, которую не пробить всяким там волосатым рукам. Кавншуг остановился на очередном взмахе, и на его лице отразилось почти человеческое недоумение. Элан взревел и кинулся вперед, размахивая полупрозрачными руками, которые прямо на глазах наливались фиолетовым огнем и даже вроде обрастали чешуей... Он успел здорово врезать волосатому чудовищу, когда огненная волна ударила в грудь, заставляя его отступить – Кради`о` Лост был начеку. Хранитель пытался сопротивляться, сделал шаг, другой в сторону Кавншуга, прятавшегося за спинами пребывавших в религиозном экстазе монахов, но пламя стало нестерпимым, и землянина с силой отбросило в собственное тело. Почувствовав дикую боль от многочисленных ран, тот взвыл – и иерарх облегченно отставил в сторону посох.

– На сегодня хватит. Нужно обдумать, как быть дальше. Силенок у него много, даже слишком – но это ничего, будем ломать постепенно, не все сразу. Раны обработать – мы же не хотим, чтобы он загнулся – и в общую. В кермалитовую. Ясно?

Не дожидаясь ответа, иерарх величественно направился к выходу, а свет перед глазами Хранителя стал стремительно меркнуть.

Горный ручей весело журчал, заполняя довольно внушительную впадину. Примерно через месяц здесь будет небольшое озерцо со светлой и холодной водой – прозрачной, как слезы ребенка... или дракона. Из воды, навстречу потрясенным раконцам поднималась девушка. От одежды, которой спутники заботливо снабдили ее, остались одни обрывки. Из многочисленных ран струилась темная кровь и, шипя, растворялась в воде ручья. В руке она держала волнистый клинок, пытаясь остатками ткани просушить его.

– Что это было, Великая?

Голос Ракх-инти был почти робким.

– Ну... Скажем, знакомство. С друзьями и врагами сразу. Моя битва за этот мир началась – а значит, у нас меньше времени, чем хотелось бы. Поспешим, – и небрежно смахнув кровь с уже начавших заживать ран, она устремилась вперед по тропинке.

Глава 8

Тишина... Не та звонкая тишина весеннего утра, готовая в любой момент взорваться гомоном голосов, пением птиц и криками детей, и даже не та ночная тишь, полная пространства и звезд, безмолвие вселенной, что-то говорящей неслышным уху голосом. Нет. Тишина пыльного шкафа, сперттого, затхлого пространства, но при этом еще полная сырости. Темница. Мама, как больно... Все...

– Как он? – чьи-то руки приложили к воспаленным ранам влажные повязки, смягчая боль.

– Плохо. Его своеобразно пытали – явно хотели не сохранить тело, а получить спонтанный выброс внутренней энергии. Будь мы на воле и будь у меня мои

инструменты...

- Святые отцы опять экспериментируют... А страдают такие вот дети. Вы наложили повязки?

- Конечно. Я остановил кровотечение, вправил сломанные ребра, только что прикажете делать с пробитым легким? Жить ему осталось недолго...

Элан с трудом разомкнул запекшиеся губы.

- Где я?

Тот же участливый голос ответил с преувеличенной бодростью:

- Очнулся наконец. В камере, конечно. Но теперь ты не один, и все у тебя будет хорошо.

Хранитель слабо улыбнулся.

- Не нужно, доктор... Я все слышал. Во всяком случае, ваши последние слова. Что ж, верховный иерарх так и рассуждал - или подчинить, или уничтожить. Рад, что первое им не удалось.

Элан закашлялся, с ужасом ощутив во рту кровавые сгустки. Похоже, несмотря на кромешную темноту, неизвестный лекарь не ошибся.

Смущенное молчание... тихие шорохи. Кажется, все обитатели камеры собрались вокруг него. Внезапно Элан увидел слабое свечение - едва различимый голубоватый свет освещал руки собравшихся вокруг и устремлялся к нему. Стало легче, боль отступила, и дышать можно было, не слыша противного хлюпанья. Но почти сразу фигуры одна за другой стали исчезать - просто свечение рук угасало, лишь тихий шорох слышался у безвольно осевшего тела.

- Прости. Это все, что мы можем. Есть в природе такой материал - кермалит. Он полностью блокирует любые виды энергии, и даже самые мощные излучения с трудом пробивают небольшую перегородку из него. А эти стены толщиной в человеческий рост - чистейший кермалит. Святые отцы постарались. Это даже

льстит таким слабым магам, как мы. Вся наша внутренняя энергия ушла на то, чтобы хоть немного помочь тебе – но, увы, ее слишком мало. Во всяком случае, ты протянешь подольше, и кто знает, может, у тебя появится шанс...

Элан потрясенно уставился во тьму.

– А все остальные... Они погибли?

Тихий и печальный смех в темноте.

– Нет, просто без сил. На то, чтобы достойно умереть, тоже нужны силы, как это не странно. А у нас их остались жалкие крохи. Впрочем, если кто и не выдержал напряжения – погибнуть, спасая другого, не самая плохая смерть, ты не находишь? И хотя я не верю в Триединого, но, может, священники правы и кто-нибудь сможет оценить такой уход...

Элан печально улыбнулся.

– Может, кто-нибудь и сможет, не знаю, только на Триединого я бы не рассчитывал – вряд ли он вам поможет. Я, во всяком случае, точно не смогу.

Дружный смех – тихий, но на этот раз радостный, послужил ему ответом.

– Смело. Ты уже равняешь себя с Всевышним?

– Вы больше слушайте ваших священников. Какой к чертовой бабушке бог? Из меня даже мага путного не получилось.

– Похоже, парнишке мозги отшибли. Что он несет? – раздался другой голос, более степенный и строгий.

Слышно было, что сил у говорившего почти не осталось, но желание во всем соблюдать порядок взяло верх над усталостью.

– Неважно, – ответил Хранитель. – Лучше расскажите мне про себя. Что вы тут делаете? Или, вернее, за что сюда попали?

– За что попадают за решетку? За то, что не соблюдают законы, особенно те, которые удобны властям. Если у тебя есть магические задатки – иди в Церковь, и тебе позволено почти все. Иерархи ценят ручных магов и закрывают глаза на многие их делишки... – Теперь голос, доносящийся из темноты, был полон горечи. – Но только как можно спать по ночам, зная, что твои способности используются для усмирения непокорных, пыток, в лучшем случае – ради забавы духовенства. В то время как ты мог бы помочь сотням больных! А приходится тратить силы и время, помогая становлению Церкви и при разборках во внутренней грызне за власть. Это у них называется политикой. Игрушка для власть имущих, призванная развлечь их и занять чем-то свободное от ограбления ближних время. Если ты срываешься и пытаешься что-либо изменить, мигом оказываешься – если простой человек, просто на задворках, а если маг – либо на том свете, либо здесь. В принципе, это одно и то же – просто так немного дольше. Я рассказал тебе что-то, чего ты сам не знал?

Элан неосторожно пожал плечами, но тут же вновь вспыхнула притихшая было боль и пришлось, скрипя зубами, терпеливо ждать, пока она хоть немного утихнет.

– Да нет, про природу власти мне ничего рассказывать не нужно – она везде одинакова. Тем не менее магов мне до сих пор встречать не доводилось. В моем мире их нет.

Изумленная тишина, минута молчания – и взрыв вопросов:

– Ты, правда, из другого мира?

– А что у вас вместо магии?

– Как жаль, что у меня нет инструментов...

– Ты просто обязан рассказать нам основные движущие законы своего мира!

Элан грустно улыбнулся. Неважно, как они называются – ученые, маги, доктора наук – в любом мире есть люди, для которых познание нового, открытие тайн природы, возможность прикоснуться к неизведанному важнее, чем собственная жизнь. Запертые в каменном мешке полтораметровой толщины, ждущие смерти, они забыли обо всем на свете, столкнувшись с чем-то новым. Что бы ни

утверждали толстосумы и их прислужники, как бы они не кичились своей властью и силой, вот она – соль земли, те, кто ценит любые блага да и собственную жизнь гораздо меньше, чем очередную загадку или помощь ближнему...

Землянин говорил, пока окончательно не выдохся. Решив хоть как-то помочь этому миру, он рассказывал все, что помнил из школьных уроков – по физике, химии. Хранитель почти воочию видел, как горят глаза его собеседников. Дайте им силы и средства – и именно они сделают мир лучше. А потом скромно отойдут в сторону, кивая на простых исполнителей, – мол, без них ничего бы не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/el-terrus_ia/fioletovyy-mech

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)